

Отдельная история

Юлианна Невская

2007-2008

Отдельная история... Как долго она писалась! Гелевой ручкой в блокнотиках на пружинках, крошащимся мелом на асфальте, в самолетах и поездах, в кафе и за ноутбуком. Писалась моими поцелуями и дрожью в руках, ломающимися интонациями и звонкостью Примадонны. Она началась со слов: «Все, что связано с тобой, - моя отдельная история». И пишется она до сих пор...

***

Не отдают – не долюбив,
Не достучав громами в грозы,
Лиловым небо исчернив,
Не распустив на плечи косы.

Не отдают – не доскучав,
Не дописав с полсотни писем,
Не погасив, вразмах, с плеча,
Румянец в цвет июньских вишен.

Не отдают – за кладь, и вздор,
И взор толпы – толпы неверных,
Не – за мечту, и за не-сон,
За – не бывать, и за – поверь мне,

Не отдают – не долюбив,
Не уплатив – собой – по счету,
До малой доли не закрыв
Неисчерпаемую квоту.

И – ни за что – не пережив
Любви в себе – нельзя доверить
Себя забыть, и дальше верить,
Что можно жить – не долюбив.

2007

***

Банановый рассвет. На смятые подушки.
На сбитой простыне – зачитанный журнал.
Прикрытое лицо. От Солнца. Малодушно.
Пролитое эспрессо – на утренний финал.

Взлохмаченный венец каштанового буйства
Волос, пропахших насквозь with “Home egoist”,
Мизинец на отлет – под маскою безумства,
И вдребезги тарелка – взорвавшийся каприз.

Тюльпановый закат. На блеск и гладкость шелка.
Бордовым наводнение. На смятой простыне.
Навязанное мнение людей иного толка,
И винные разводы ручьями по стене.

Разорванный рукав. И жгут на бледной вене.
И стеклышки в очках предательски блестят.
Чужие утешенья – без смысла, не по теме,
На худенькие плечи – заношенный халат.

Банановый рассвет. За много километров,
И утреннего неба чуть звездный палантин.
Закончилось кино. Умолкли песни ретро.
Как больно – я одна. Как жаль, что ты – один.

2007

***

Виски – в лед. И кофе в постель.
Это что? Еще один – ты?
Губы влет. Полночи и день.
И на стол – со скидкой – цветы.

Поцелуй невзначай. Про запас.
И царапины. Вдоль. По спине.
Это что? Еще один – раз?
Неужели опять это – мне?

Простыня в кулаке – комок,
Между нами – молчать и зной.
Это что? Еще один – срок?
Так давай... за нас – по одной!

Затуманил сознание – стон,
Приберег напоследок – быть,
Потеплеет в фужере – ром,
Разошлись по углам – жить.

Амальгама – снова совет.
Левитировать – полный бред.
На руках – углекислый лед,
Не проживший джек-пот – билет.

И я падаю. Падаю вниз.
Вскровянив голубиный рай.
В направлении к центру Земли.
Или просто... на мокрый асфальт.

2007

Desesperacion¹

Прочитай. Невзначай. Втихомолку.
Мою душу. В профиль и фас.
Спозаранку ушел в самоволку
    Гу-монетарный запас
Данного фьючерсом воздуха
В мой безлимитный кредит.
    Цифры меняю на прозу -
    Позиция снова откры-
    Та. Раскаяньем трейдера
    Погашен провальный счет.
Слипматом на импортном фейдере
В скретч - пластинку. Просчет.
    По-следователь Фибоначчи
    В график вплавит дугу.
    Монетку ловлю на удачу,
    Кипя, задыхаюсь в соку
Собственном. Новой у-тратой
Вышел проигранный день.
    Звоном триумвирата
Звезды скользнули в щель
Ладоней в венозном тике,
Вздернутых вверх шатром.
Безумной улыбкой. Фрика.
    В омут. Desesperacion.

2007

---

¹ Desesperacion – отчаяние (исп.)

***

Обухом – по голове.
В кровь – по мякоти пальца.
В такт диссонансным ре.
Впляс под тошную сальсу.

Руки в парфюм. Kenzo.
Выпить остатки. Кофе.
Знаешь... время пришло...
В суму собирать. Крохи.

Не камни. Разоружен.
Куй. Мечи на орала.
Пошлина. Вход. Собор.
Взгляд от винта. В сансару.

Поэтика. Венский орех.
Ликерный коктейль в полироли.
За давностью медных вех
Ты станешь, верно... героем.

А я? В меру – жить...
Чуть sancta'й², чуть-чуть – Лолитой.
Меня невозможно сбыть
Дешево и сердито.

2007

---

² Sancta – святая (лат.)

***

А... можно прожить закатом?
Правдой твоей бесцветной,
И разнорядьем фата,
И беспроцентной медью?

Звезды – на табуретки
В микс с потолочной пылью.
Знаешь ли ты, мой редкий,
Как это – быть ссыльной?

В довод. Не по причие.
Вынесен твой verdict.
По ложеносной тине
В тапочках Бог ходит.

Каплями проливает
Манную панацею.
Шиповничьими цветами
Прям в переносицу целит.

Радуетя попаданию
В очередную – десятку.
Сколько еще ожиданья
Того, с кого взятки – гладки?

Засушенными цветами
В альбом – экибана счастья.
Наградю – обручами
На суд в преисподнюю тащат.

Цветут и – кровоточат
В розах босые ноги.
Из дома меня уносят
На запад крылатые дроги.

2007

Разговор

Хэй! Не спишь? А, может, пойдет
Аллергентом бессрочный звонок?
Ты же скоро, наверно, уйдешь...
Ты бы мне (так возможно) помог...

Да, ты прав: ты - вовсе не тот
Все-благо-творительный рейс.
Я выпускаю в легкие смог.
Я тебя проживаю. Без.

Оставляю лишь точки вдали...
Их так много – не сосчитать.
Ты меня, если сможешь, прости...
Тебе лучше меня...и не знать.

Раздражителем совести... нет!
Ее нет. Так стоит ли ждать
С мышьяковой начинкой конфет,
Со стихами – моими – тетрадь?

Вдох...

С размаха в предсердие кол.
И немеющий в скулах крик.
А ты просто... так просто... ушел.
Ну, и что ж? Ты ведь так – привык.

В двадцать первых – твоя не-явь,
Двести тысяч моих «зачем»?
Ты по-своему, верно, прав -
В отношении «вольт на ампер».

Деревянной симфонией стук.
Из двоих кто-то вышел в тираж.
Ты не слушай меня... Друг.
Это ж просто – пьяный кураж.

Я на цыпочках встану к окну
И замерзну в отблесках крыш.
Позвони мне, пожалуйста... жду...
Ты ведь тоже, наверно, не спишь...

2007

***

Двадцать вторая осень...
Мне нужно твое признание!
Иньекцией симбиоза
В морфемное подсознание.

В – до боли – крепких объятьях,
В дыханье... стоп... поцелуем
На пики червоною мастью
Обложку перелицуем.

Полярностью наших мнений
Мы в чем-то... верь... совпадаем.
Симптомами главокруженья
Друг друга (сквозь «нет») вдыхаем.

И грубостью сменится нежность,
И стон – бесконтрольным криком,
И рук – по лицу – небрежность
В подушку вдавленным всхлипом.

А тело, большего страждав,
До дрожи (без сил) в коленях,
Тебя – не более – ждавши,
Проснется в чужой постели.

И даром, что – эта осень
Тобою необозрима.
Меня опускаешь озимь,
Мое забывая - имя.

2007

***

Исписана последняя тетрадь,
На фон – официоз аэропорта.
А до посадки – семь минут, а, может, пять,
И в горле ком, как будто тромб в аорте.

И отчуждением фреоновым вздохнув,
Пыль взлетной полосы взрывает ветер,
Вкрест чьи-то образы – чужие – зачеркнув,
Твой силуэт в инертном полусвете.

На пальцах капельки любимого Kenzo
По папиллярным прорезям ладони,
Ты не жалеешь... мне просто – нелегко.
Еще чуть-чуть! И мне не станет больно.

Таков уж эмигрантский мой удел –
Я улетаю в одуревшую субботу.
Пусть плачут те, кто нас не захотел!
Но... ты не плачь... не надо, милый, что ты...

2007

***

Звезды с небес не падали,
Верь!
Солнце не жгло по лужам
Туч.
Ласковый мой и нежный
Зверь,
До запредельных морем
Круч,

Вдоль световых миллиардов
Лет,
До формалиновых хрустом
Стуж,
Вкрест перечеркнутых красным
Сред,
Мне для тебя не хватило
Уст,

Мне оказалось мало
Рук,
Вдруг пластилиновой стала
Бронь,
Девять десятых воздуха
В куб,
Вмиг по вискам, но не больно –
Звонь.

Тропкой теодолитной
Ввысь,
Судорогой в такт бьет
Мосты,
Все, что когда-то имело
Смысл,

Ныне суммируется только в
Ты.

2007

***

Не боюсь уходить. Просто... туфли лишь капельку жмут.
Усмехаются прайсы холодных и мокрых витрин.
Я пойду. Я пойду! Пусть меня так нигде и не ждут,
Растворюсь в безразличии шляпок и замшевых спин.

Фиолетовым тянет оценка сложившихся дней.
Может, кофе с ликером заставит меня повзрослеть?
Прокручу все назад и обратно поставлю на «Play»,
Попытаюсь теплом мини-термоса руки согреть.

Калориферной функцией шарф по продрогшим плечам.
Ну, зачем, ну, зачем мне по пальцам простудная дрожь?
Вот сейчас я, пожалуй, как раз и согласна на чай,
Чтобы только услышать, что ты меня (все-таки!) ждешь.

Я озябла у вовремя окон замерзших стоять
И смотреть, как на снег проецируют свет фонари.
Но проходят минуты... часы... и опять - двадцать пять!
Я тобой заболею у дома 106-23...

2007

Припадок

Не поверила бы... Но знаешь?
На лице – ни комочка туши.
Не такое переживали!
Кто-то импульс в аорте глушит.

Твои розы еще не завяли.
Ты мне их подарил... от сердца?
С шоколадными – в глянце – шарами,
А вот мне бы – ликера... с перцем!

А назавтра я потеряюсь,
Чередуя «опять» и «снова».
Аритмично на «bye» сбиваясь,
Я вернусь. Но только не скоро.

Задохнусь в итальянской коже.
Однозначными степенями
Я устала. Быть. Слишком сложной.
Эх, послать бы к чертовой маме

Весь уклад от среды - до утра!
И разжиться карманом денег,
Не судить – и не быть подсудной
Декаданским таким паденьем.

Сердце ухнет куда-то... в спину,
Понесется ударным скерцо.
Ты приедешь? В три с половиной?
Вспомнить Олю – ликером с перцем?..

2007

Ломаная

Вы ушли – дальше за некуда,
В parts per million ракурсной дали,
Отсекая хваткой прозекторской
Всех, кто верили... и молчали...

Ну, и что - что одна из тысячи?
Чудом лишняя в цельности пазла.
Не потеря! Других – отыщите,
Пусть с десятого, может, раза.

Накрахмаленная – до ломкости
Не улыбка, а так... ухмылка,
Не по глупости, не из подлости
Рассовали друг друга в ссылки.

Аплодирую вашему гению!
Не на бис, простите, на – bravo!
В полусолнечное сплетение
Незаконченный вздох... пять баллов!

2007

Al Final³

Не ярый, не бранный
Прославленный воин.
Черненой заставой
Замолкшая совесть.

Не светом, ни блеском
Взведенный звездю,
Обманчивым треском
Горящая хвоя.

Ремнем да по шее,
Да руки в капканы,
В хиреющем теле
Размножатся раны.

Микстуру вовнутрь,
Но вряд ли поможет
Прожить еще сутки.
На кол осторожность!

И синюю во взгляде
Конца атрибуты,
Семи полупядей
Последней минуты.

2007

---

³ Al Final –Под конец (исп.)

До утра

Минуты... одна... десять,
А ты далеко – снова.
И даже коньяк – пресен.
Увидеть б тебя... Скоро?

Но скоро – как это долго!
С утра до утра – луны,
Забуться... Можно, но толку?
Я рву на гитаре струны.

Я жгу в нетерпенье спички,
Чтоб только часы расхитить.
Все мысли воспламенило:
Тебя! Хоть на взгляд! Увидеть!..

Тебя! Хоть на миг! Запомнить!
Украсть у Морганы сколом.
И в лед на мгновенье, в омут...
Увидимся? Правда? Скоро?

2007

Инерция

Полупятым каким-то чувством,
Не дожившим в ряд до шестого,
Кровоточащим в пальцы сгустком,
Монастырским сном четверговым,

Полунощной апрельской вязью,
В двадцать две с половиной минуты,
Экс-сенсорной, но все же – связью
Я твои расплетаю путы.

Я свои развиваю кудри,
Ля-минорным в рояль крещендо.
И до самой последней сутры
Я не верю, что это – die Ende.

Нецикличное в форточку утро
Завивающим в стон ламинатом.
Ну, и что я? Глупая шутка
В дождь истерзанным майским градом.

Потончали слова на шепот.
По инерции все еще больно.
В воздух крики, уже не ропот,
Сколько можно еще?..
Сколько?

2007

Рассветное

Скованный шаг. Руки к бокам
Плотно прижать. Панцирь на грудь.
Анестезия – по четвергам,
Два полувыхода в фазу замкнуть.

В спину удар. Хруст в позвонках.
Вдох сухожилием перевязать.
Ты – далеко. Ты – где-то там!
Радиоволны – сто двадцать пять

Метров в откос, взгляд в полубок,
Где-то в виске взвякнется стон.
Не защитил, не уберег...
Пусть это сон... Будет лишь сон!

Шприц на столе. Морфий в ликер.
По капиллярам прямо из глаз
Струйки la vida звоном на пол.
Только б забыться! Хоть на сейчас!

Взгляд – отраженье от потолка,
Кладки кирпичной вид дежавю.
Только б очнуться, хоть на пока!
Только бы... но – я ведь не сплю...

2007

***

Эвкалиптовый привкус простуды на сжатых губах.
Не целуй! Не целуй... Я бы тоже (наверно) не стала.
Не бери мои руки, ни сильно, ни нежно – никак,
Не пытайся согреть, я хранить себя впрок перестала.

«Оставаться как есть» - немудреный пространственный факт.
Ты пытаешься выжить с защитным каркасом на завтра.
Тебе легче? Действительно легче вот именно так?
Я свое умываю лицо. Это значит, что я безучастна.

Двадцать граммов души моей сильно тебя тяготят?
Плоть на плоть – тяжелее упавшего на руки снега?
Посчитаем по осени взбитых в глазунью цыплят,
Нарисуем себя и закрасим по белому белым.

Нафталиновым облаком вечер в проулке встает,
Отдаваясь в висках полудетской латино-ламбадой.
Это, кажется, я, кто из нас не простит, не поймет...
Это, кажется, ты, кто меня нарекает «не надо»...

2007

Стон

Отодвинуться в степ
На сутки,
Каблуком по бетонному
Полу.
На моем венке
Незабудки
Твоего "Забудь!"
Приговора.

Кто-то крадучись прямо
К двери,
Отчаровать двадцать
Пятым.
Ты не будь. Я дышу!
(Еле...)
Многотонником семи-
Рядным

Мою грудь припечатать
Медью
И оставить на вздохов
Пару.
Может, выйду с другого -
Света
Вне присутственных зон
Радара.

Солнце вдарит куда-то
В спину,
Кинет в ноги мне две
Гвоздики.
Недостаточность гемоглобина

Мне не даст
Разродиться
Криком.
Кратковременная
Амнезия!
На предсердия -
Дефибриллятор.
Ты так любишь ведь...
цвет -
Синий!
220.. Еще!
Разрядом

Вздрыгнут руки.
А где-то, выше
Будет небо.
И стерхов стая.
Синусоида тише... Тише..
И черта на экран.
Сплошная.

2007

***

Тебе легче вот так?
Скажи!
Забывая – наполовину,
Крестным ходом за
Рубежи,
Чуть пониже,
Левее,
В спину,

Тем ударом,
Что крови – стоп
В цель предписывать
Предназначался.
От такого –
Содомский столб!
Да истекшие в срок
Лекарства.

Эфемерность свободы –
Клеш
Между строк
Рваных двестишій.
А ты знаешь,
Только –
Всерьез –
Чем болеет мечта,
Разбившись?

2007

***

You are staying. Well... So
What?
No means of possession
Declared.
You are firmly betraying –
Not!
Look at me! Would you still...
Dare?

You are staying. How happy are
You?
With imprints – of mine –
In you breathing.
I am kneeling. What can I
Do?
Just to make your touches
Easier?

You are staying. Strings like
Arms
That embrace a fearful
Child.
Sight high up. Reflecting
Eyes.
You are staying... Perfectly
Blind.

2007

В дороге

Пять с минутами. Сыро. Холодно.
За углом - перспектива проселков.
Облака - в реакцию щелочи,
Включь свисая с небесной холки.

Небо сыплет белесыми стружками.
На щеках заиграют ямочки.
Я по статусу лестно (?) подружка,
А по номеру - энная галочка.

Ну, так что ж. И на сем - спасибо.
Мы не гордые, мы не присядем.
Или ты полагаешь наивно,
Что я сдамся на милость? Дядя,

Штампик в паспорте - просто чернила,
В свою прихоть запутавший судьбы.
Твое кофе уже остыл(о).
Ну, и все. Поиграли и будет.

Мы не станем делить. Игрушки
Слишком разные. Приоритеты.
Ну, давай по народной, русской
Запевай! Разойдемся. В среду.

А сегодня еще - суббота,
До гудка коротать нам сроком.
Мы не станем ближе с тобою,
Осужденные быть - дорогой.

Угощайся. Печенье, сахар -
"Help yourself" говорят англичане.

А ты любишь сдобные с маком?
Ну, я тоже. Долей-ка чаю.

Кто полезет на верхнюю полку?
Час-то поздний. Не ровен случай...
Ты по статусу - Казанова.
Мне по номеру - энный попутчик.

До оскомины битый опыт.
В этой партии ты не водишь.
Ты ведь самый - десятый, сотый!
Ну, когда ты уже сходишь?

Меня карты в край не прельщают.
Восемь десять. Уже вечер.

.....

Так давай напоследок - чаю
И до новой, может быть, встречи.

2007

***

Ты не сидел напротив,
В пепел дымя сигарету,
Фоновой темой рапсодий
В профиль очерченный светом.

Ты не бывал на крае,
Брызги в "Кровавую Мэри".
Сброшено красное сари,
Кисти ребром - в двери.

Ты не случился другом,
Мэйл не найдет адресата,
Бешеным в вены стуком
Вдох диссонансным ладом.

Ты сфокусирован взглядом
В растр, в эпицентр мая.
Кольцами пыль автострады
В легочный сок оседает.

.....

Эхом в углах анфилады...
Знаешь, я очень скучаю...

2007

Дыши!

Дыши! В унисон со мной
Взметёмся по Красной Пресне!
Кому-то объявят бой,
Кого-то оставят вместе.

Над нами тянутся ЛЭП,
В плену оцинкованной стали
Мы сменим попсу на степ,
В синхрон переключим каналы.

Дыши! Только дыши!
Закатом цветом боккарди
По улицам след пиши,
Ты знаешь, кого это ради.

По крышам немеркнущий шар
Вечерний туман размажет.
Я слепну от жёлтых фар,
Засыпавших Сивцев-Вражек.

Дыши! Умоляю, дыши!
Без долга по киберплату
Помножатся части души
На "n" Фибоначчевым рядом.

В расчетах сквозит НЛП,
Не в нас допустима погрешность.
В крови себастьяновским "ре"
Наша зеркальная смежность.

Расставлены точки над "ё",
Очерчены мелом лекала.
Дыши, венценосье моё,
Чтоб я не дышать не стала!

2007

Кураре⁴

Дымным какао прольётся ноябрьский вечер.
Ходики в стопор. Цветки каркаде по серванту.
Знаешь, случайно открылось, что ты - это вечно.
Туго и шёлково стянуты путы-пуанты.

Пальцы румянит в ожог пригоревшая турка.
Нет больше слов. Вместо них белизна "Рафаэлло".
Сделано - все. Неподкупность вердикта хирурга.
В рамку - гротескный узор крепдешиново белым.

Будем двенадцати ждать. После часу - и вёсны.
Сложим мечи, облачимся в бордовые рясы.
Нам ли бояться, любившим без меры и спроса?
Нам ли менять стилизованный шпат на алмазы?

Может, поможет пол-унции яда кураре?
Если любить - то любить в слепоту, до инфаркта!
Я не права. Может быть. Но ведь каждой - по паре
Миллиметровостью тел в дань блокадного пакта.

---

⁴ Кураре — южно-американский стрельный яд, приготовляемый главным образом из коры растения *Strychnos toxifera*. Индейцы в Гвиане и по берегам Амазонской реки смазывают этим ядом концы своих стрел, чтобы вернее убить намеченную жертву. Из подкожной клетчатки яд этот всасывается чрезвычайно быстро и достаточно помазать кураре ничтожную царапину на теле для того, чтобы человек или животное неминуемо погибли. Средство это парализует периферические окончания двигательных нервов всех поперечно-полосатых мышц, следовательно, и мышц заведывающих дыханием, и смерть наступает вследствие задушения при полном или почти ненарушенном сознании. (Энциклопедия Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А.)

Слышишь? Уйди! Или брось - и останься на сутки.
Стены раскрась в безупречность лиловой картечью.
Царство за то, чтоб проснуться с тобой этим утром.
Знаешь, мне точно открылось, что ты - это вечно...

2007

***

Уровни доступа снижены, коды забыты,
Шлюзы сняты, диагноз – отсутствие йода.
Все перепутано: люди, исходники, биты.
В теплой воде растворяется горькая сода.

Слишком ожидадно сбой на конце параллели,
В кожу затынуты длинные тонкие ноги.
Я не ушла. Я к тебе возвращаюсь. В апреле
Все перепутано: площади, птицы, дороги.

Небо мазками гламурными листья раскрасит,
Сказки случаются сбоем в исходной программе.
Звезды с закатом – багровости сплав в одночасье.
Мы не случились... Мы просто, наверное, не знали.

Пальцы в мозолях – отладка грозит степенями,
Едкие струйки расплавленной в трэки пластмассы.
Тлеют часовенки белого в пух оригами,
Чем ты ответишь мне: аутом или же – пасом?

Цикл в прокрутку. И - не обнулить вероятность.
Меряю стуком в забор исподволь Долгопрудный.
Ноль и один. Там где-то теряется святость.
В стеклопакетах – багровый рассвет барракудный.

Просто приди. Нарушим все правила вместе.
Светом от рук своих вылечи в «нет» метастазы.
Вровень сойдемся на винно-бездумной фиесте.
Просто приди! Но прогрессией: «Доступ отказан...»

2007

Случайность

Твое тело – в горизонталь.
В стон впиваются пальцы.
Направлением света – вдаль
И ладонями вскользь. Останься.

Мое тело – в плавь, в пластилин
Нулевым расстоянием между
Нами. Воздух – в дым,
И до колкости в легких – нежность.

Притяжением силы вниз
Тлеют капли, срываясь всхлипом.
Посмотри в меня. Обернись!
Я твоя. Каждым изгибом.

В темноту завибрирует дрожь.
И тобою запахнет счастье.

- Не буди меня. Не тревожь.
И уйди, лишь едва начавшись.

2007

Банально

Моя душа,
...так больно...
Пугает свет,
...Не рань меня,
    постой,
    Не уходи
    ...совсем.
Моя душа,
...так просто
    Теряет свет,
Горчит прожитый день
В рубцах былых потерь.

Моя душа,
...так странно,
    Ты где-то
    ...есть,
Слова сорву
    ...на крик,
Но только -
    отзовись!
Моя душа,
...ты веришь,
Она - везде,
Пусть с каждым часом
    ...тише
    Ее шаги...

    Душа,
    Вскрытая
    ...железными
... ..ножницами,

Где-то внизу
...боль
... ..тянущая.
Ладно, брось!
...Несерьезно
... ..все это.
Легко так
...лечится -
... ..жидкими граммами.

Душа,
Вспоротая
... словами
... ..ломкими,
Инерцией к свету
...все еще
... ..тянется.
Это сложнее,
...чем в кожу
... ..иголками.
Такая просторная,
...в плоскость
... ..сдавится.

Лезет
нагло
... и мной
... ..непрощено
Небо
в душу
... звездными
... ..лапами.
Навзничь
с вен

...изолянта
... ..сброшена.
Только
...с рук моих
... .. что-то
капает...
Моя душа слабеет,
...И провода
Стянули руки.
...Веришь,
Я не отдам
...Мою надежду до
Самого конца,
Ведь бьется светом
...В небо
Моя душа.

Смотри, душа...

2007

Новые – Fata Mortale

Это я. Не показывай пальцами.
Мы проснулись сегодня! Новыми -
Это в плоть недостаток кальция.
Так легко обмануть. Скорую.

Так индиго страдает гением
И рисует граффитти красками.
Размечает крестами двери, и
Мы больны. Или просто - несчастны мы?

Плюс на минус. Психоз и бессонница.
Мы уйдем в черноту Малевича.
Через век нам кто-то поклонится,
Кто-то плюнет. Да ладно, стерпится.

Мы сгорим разноцветьем феникса,
Лучше в полымь! чем дУшу резиною.
Мы - за не-компромиссы верности.
А ты веришь, что мы будем - сильными?

Нам простительны мелкие слабости,
Но не больше, чем было отмеряно.
Доли горести, то ли радости.
Не грусти. Мы ведь тоже - временны...

2007

Искренне - Ваша

Станет холодно. До пронзительности.
Нарисуешь меня – сепией?
Так любовь не имеет длительности
И верна в высочайшей степени.

До асфиксии вдохи стянуты.
Эндорфин не спасет от холода.
Побледнеет в губах багряновость –
Так любовь не имеет повода.

Истощением ребра выгнуты.
Обнаженность срывает образы,
Беззащитность скрывая всхлипами –
Так любовь не подвластна подлости.

Может, сложно, но все же, искренне -
Так любовь не играет душами.
И всегда остается чистой
В затаенном смысле со-чувствия.

2007

Белое

Я, наверно,
всегда -
Такая...
Специфическая.
Больная.
Не от мира сего.
Сложно.
Лишь в начале.
Потом - проще.
Ты поймешь меня?
Ты ведь сможешь?
Соберешь
И в узор сложишь?
От двусмысленности
Болею.
Но я верю тебе.
Верю!
Тоньше чуждых?
Нет... Иное.
Обнаженнее -
С тобою.
Круглосуточно правду -
В силах.
Так неверно.
Недопустимо!
Она мстит.
Я не заплачу.
Здесь мораль ничего
Не значит.
Приспособленность
Для слабых.
Но не нам.

Ты знаешь?
Правда?
Не хочу угождать
Кому-то.
Не из выгоды,
Ни на минуту.
Это верно.
Без вариантов.
Строки белые.
Строгие рамки.
Оттого ль дон-кихотство
Было?
Что горело,
Потом - остыло.
Ведь для лучшего нет
Сравнений,
Полу-тона и
Полу-тени.
Оно просто есть.
Как данность.
Оттого ли счастье -
Странность?
Это все называется
Просто.
Не фатально.
И односложно.
Хрупких рук и плеч
Безоружность.
Не смертельно.
Просто
Не-нуж-ность.

2007

Кратность

Не заметили, не простились,
В сроке годности стерта дата.
Разошлись по углам пыльным,
Руки дружественные перепрятав

Из ладоней чужих в карманы.
Дверь на ключ. И – задерни шторы.
Так родным и любимым самым
Вбились в душу мы. До упора.

Неделимость. С брендом Версаче.
Так изыском оформлена низость.
Мы не можем, наверно, иначе...
И со лжи начинаемся в близость.

Откровенны минут на сорок
В перестрелке мутнеющих взглядов.
А потом – йены на кроны.
И талон. До случаной даты.

Пальцы в кольца. И сигареты.
Я без сил. Батарейки сели.
Два пропущенных вызова. Где ты?
Далеко... Но еще – роднее.

2007

Кокетка

Кабальеро! Я не ваша –
Руки прочь! И пуще в пляс!
В сутки Яблочного Спаса
Дичка соком налилась.

Цвет слетел. Опали руки.
Что с того? Кружи сильней!
Побывав от злости, скуки
Солью в матовость плечей,

Я молчу, что вы – десятый,
Мне в привычку смех в глаза.
Скрипом версты. Святой, святой,
Задешево продала,

Прогадала, кабальеро,
Криком режут петухи.
В утреннюю не успела
Замолить свои грехи.

Так держите! Крепче, крепче
В талию – чтоб не вздохнуть,
Пробираясь по увечьям
Накрепко да прямо в грудь.

Кабальеро, взгляд случайный
На руки. – Который час?
Знаете, я так не-чай, но
В сердце ваше пробралась.

Кабальеро, не молчите,
Каждому – свой личный крест.

Коли любите – любите...
Трудно? Что ж... Какая есть!

Вы хотите знать, что – ваша?

Да! На время, до поры.
Вы, пожалуйста, прикройте
Дверь с обратной стороны.

Кабальеро, не сердитесь
И не прячьте вбок лица.
Это шутка! Уж простите,
Улыбнитесь. Я ж любя!..

2007

***

Их любовь, пожалуй, вечна,
Он не с ней, она его ждет
До несбывшейся где-то встречи
Через топкий рассвет, вечный год.

Их любовь, пожалуй, - просто
Отраженьем друг в друге себя,
До упавших в ладони звезд, и
До невинности двух голубят.

Их любовь, пожалуй, странно
Перекличкой, ударом в лоб,
Стуком в вены, рваной раной,
Исцеляющим в жизнь теплом.

Их любовь, пожалуй, не шутка,
Из сердец колокольный звон,
Взмах навстречу по первопутке...
Тот лишь счастлив, кто – влюблен.

2008

Кадры

Вязкой узор шерстяной
Вбок.

Снизилась резкость. Кем
Судить?

Ты - персональный Мой
Бог.

Ты - пропаганда в долг
Жить.

Красным ладони. Зимы -
Всчет.

Мне без тебя - в ноль,
В смерть.

Я так дышу. Ты -
Ждешь.

Я - навсегда. Ты -
Верь!

Мы, впополам, - липкий
Страх.

Залпом друг в друга - вдох,
Встык.

Казнь, если врозь даже
В час.

Ты - все, что Есть. Ты!
Ты!

2008

***

Боженька, добрый, а где продается счастье?
Может, и я попытаю удачу в святой распродаже?
Где наделяются манной убогие, сырые – частые?
Я все возьму! Я возьму – не торгуясь даже.

Боженька, милый, скажи, ну, куда обратиться?
В очередь вечную кто номерок мне подскажет?
Цену любую, без скидок, за счастья крупицу!
Я ведь немного прошу, пусть и мне повезет хоть однажды!

Боженька, честный, ведь всех по делам их рассудишь?
Ты не смотри, что так свечки мои неказисты.
Пусть у меня тоже счастья хоть капелька будет!
Боженька, только ответь мне: а ты меня слышишь?

2008

Изморозь

Я не та, что я есть. Я б могла быть, наверное, лучше.
Апеллировать ворохом кружев на ломких запястьях,
Затянуть *comme il faut* свою гордость в тесемки от Гуччи
И мешать кофеин с карамелью, чтобы выглядеть слаще.

Я не та, что я есть. Я б могла быть, наверное, проще,
Не вымалывать яблоко Ньютона в темечко боем
И по-княжески щедрой рукой цвета старенной кости
Раздавать благодать в золотистость церквей-колоколен.

Я не та, что я есть. Я б могла быть, наверное, добрее
И занять свое место в строю инвалидов и нищих
И до рези в глазах упиваться пролитым елеем,
Безразлично считая шагнувших в тюрьму или с крыши.

Я не та, что я есть. Я б могла быть, наверно, с тобою
И прилежно уютжить манжеты и стрелки на брюках,
День стоять за плитой, все готова с избытками соли
И годами залечивать шрамы на тонкие руки.

Я не та, что я есть. Я б могла быть... но, верно, не буду.
Экзорцизм – не мое. И спасти меня, знаешь ли, вряд ли,
Слишком крепки и ярки осколки разбитой посуды
И так поздно мечтать, чтобы вдруг оказался ты рядом...

2008

Тихо!

Тихо!
В TV рождаются звуки.
Диктор о чем-то вещает с экрана -
Немой.
Сжимаю крепко руки.
Я не больна.
Я просто устала.

Тихо!
Что-то струится под кожей.
Это страх выливается
ПОтом.
Это кому-то, значит, можно!
Мне же пальцем:
В очередь, сотая!

Тихо!
Слышишь, кто-то бьется?
Это не сердце, это - шпалы.
Рельс под поездом
В чернь вопьется.
Венец - кому-то.
Кому-то - шрамы.

Тихо!
Трепещут всеми фибрами
Крылышки втянутой
В шубу моли.
Это для энных, значит,
Избранность!
А большинству - конопляное поле.

Тихо!
Шуршат в гримерке лаврами,
Синтетикой сорванной
Мизан-сцены.
Это кто-то, значит, парами!
Мне же - четыре угла.
С персеном.

Тихо!
В три погибели сложено
Мчится сознание
По дантову кругу.
Провод голый
В воду сброшенный...
А в TV рождаются звуки.

2008

Кокаиновая дорожка метро

Я хотела дойти,
Так хотела дойти
До счастливого сладкого рая.
Я хотела пройти
По другому пути,
На тебя посмотреть...
Даже с краю.

Я хотела лететь,
Так хотела лететь
По неведомым белым тропинкам.
Я хотела не сметь
Громким голосом петь
И с тобой я сжималась
В обнимку.

Я хотела бежать,
Так хотела бежать,
Наколенники даже купила.
Не хотела молчать,
Так хотела кричать,
В тишину свои губы
Сдавила.

Я хотела стоять,
Крепко-крепко, "на пять",
Но упала от дрожи в коленях.
Я хотела не знать,
Так хотела не знать,
Что в тупик - направленья
Ступеней.

Я хотела уйти,
Так хотела уйти
От диагноза давящей боли.
Но к тебе не пройти,
И я ставлю кресты,
Умирая в холодном
Вагоне.

2008

Момент истины

- Факела дымят сильно. Как бы утечка сероводорода не случилась.
- Да, но беспокоиться не о чем. Нас успеют эвакуировать. Главное, чтобы не было взрыва.

Минус двадцать по Цельсию. В полночь ушло электричество.
Я гадаю на кухне кофейными жидкими зернами.
Так бывает. И страсть на покой заменяет количество.
И я шла на завод, и не знала, что все уже кончилось.

Мне бы с факела впору убиться в грунтовку промерзлую.
Маслянистость лучей, не сгорев, одевается пламенем.
А в тумане не видно огня. Брешь озоновой коркою.
Я тебя называю Петром, переводчески - каменным*.

Мне не больно. Ты верь! Мне в медпункте сказали - здоровая.
Только нервы шалят, и, возможно, чуть-чуть малокровие.
Я надену блескучие тени и буду как новая.
И врачебный листок затеряется в амбулатории.

Я по нитке гадала, и ты выходил моим суженым.
Персональным и Маленьким Принцем привязана прочно, и
Подслащу бромгексин, внутрь - залпом. Я сильно простужена.
Ты смеялся и пел.
А ты знал, что все уже кончилось?

2008

* Петр - камень (греч.)

Love - net

Достучаться б к тебе... Но ромашкою - красный знак.
В запрещенных, заведомо ложных - к тебе никак!
Я молчу. Ты молчишь. Нет контакта. Мы - оффлайн.
Закрутился посуточный трафик в проигранный тайм.

Я к тебе! Я - одна окончаний нервных комок,
Недосказанность серых, пустых, неактивных строк.
Специфический запах пластмассы съедает ром.
Гигабайтами нежность и страсть в миллионах тонн.

По стене пробираются тени, стекая в ночь.
Прилепиться б к тебе, да навечно, врезаясь в скотч.
Я люблю тебя, ревностью, радостью, мерою в жизнь!
Руки - в руки. С тобой - до небес! Лишь отзовись!

Отзовись! Разгони теплотой мой извечный страх,
Что тебя рядом нет. Без тебя я, поверь, никак!
Мои пальцы считают код. Ты молчишь в ответ.
Только ты не придешь.
Не в сети.
Электричества - нет.

2008

Детское

На моих ладонях
Держится твой запах.
Как же мне порою
Хочется заплакать!
Затеряться в плечи,
Милые, родные,
Быть твоею - вечно!
В запахи, цветы и
Краски на паркете
Проливать любовью
Схваченным мачете
Лунность полнокровья.
Вдох тобою - насквозь,
Сердце жгУтом в жилу.
Слезы на бумагу.
Ангел жесткокрылый!
Тень твоей улыбки
Многого не значит.
Падают снежинки.
Я люблю.
И плачу.

2008

Космогоническое завещание

Запомни меня, запомни!

И радуйся!

Таким, как я, не дают

Реприз**.

Запомни меня в ментольной

Мятности,

И вкусом латте

На двоих.

Запомни меня, запомни!

Зернами

Кофейными, взмахом

Вверх.

Запомни константой

Сводною,

Как новых* удельный

Вес.

Запомни меня, запомни!

Солнцами,

Живущими на

Земле.

Запомни меня, помни

Покорною,

Прижавшуюся

К тебе.

Запомни меня, запомни!

Чистою

И яркою –

В первый снег.

Запомни меня, помни

Речистую
На сто световых
Лет.
Запомни меня, запомни!
Радуйся!
Любовью вплеснись
В грудь.
Запомни
В грешности,
В святости.
Запомни...
И не забудь!

2008

* Космогония - область науки и философии, в которой изучается происхождение и развитие космических тел и их систем: звёзд и звёздных скоплений, галактик, туманностей, Солнечной системы и всех входящих в неё тел — Солнца, планет (включая Землю), их спутников, астероидов (или малых планет), комет, метеоритов. (Википедия)

** здесь: повторное воспроизведение отрывка музыкальной композиции

*** Свободная таблица удельного веса сверхновых звезд

Стеклянная бабочка

Тебе, казалось, все равно.
А я была весенним ветром.
Меня берег, чтоб под стекло
Мог перепрятать незаметно

И защитить от лишних глаз,
Упав в дурман пустых признаний,
Когда наружу – перифраз,
А внутрь – стуки колебаний

Соединенности сердец,
Летевших в свет одним фламенко.
Но слов беспечный изразец
Уперся в плоскость. Финиш. Стенка.

Беречь? Берег! Но для кого?
На мне табличка: «Руки! Редкость!»
Архив - музей для одного.
И ты забыл. Так незаметно.

Мы не в театре. Грим – долой!
Сложились в губы строки, годы.
О, мой застенчивый герой,
Любивший на стекле разводы...

Манерно. Хитрость удалась.
И бабочка в стекле осталась.
Янтарь на крылья. Не поднять
И не взлететь. Такая малость...

2008

На свидание

Ты прости... Я резка.
Я люблю.
Сильно.
Без тебя ночь слепа.
Бессильна.

Стеклодувом надут
Июнь.
Веско.
Без тебя некрепка.
Честно.

Прорастая в закат
Звоном
Тыльным,
Я навеки люблю.
Сильно.

Я запрячу свой страх
И обиды
В ножны.
Без тебя я не буду.
Можно?

До тебя меня - нет.
Это
Прежде.
Я люблю тебя очень.
Нежно.

Я люблюсь тобой.
Жду

Встречи.
Я люблю тебя. Очень.
Вечно.
Я дождусь тебя! Ночь
В день
Сменишь.
Я люблю тебя. Верить?
Верить?

2008

Мартовское настроение

Когда в душе лишь ты и март,
На тротуарах в цвет фиалки,
Мы в разнопутье Млечных карт...

Мне для тебя – себя не жалко!
Проси, желай – я все отдам!
Мне без тебя – лишь полужизнью
По внедорожным виражам...

Я без тебя – себя не смыслю!

2008

Casual

Что же ты глушишь
В одурь безвременьем –
Можно ли?
Губы стираются в бледность Трением
Должно ли?
Струны тянуть, щипками испытывать
'О душу,
Рыба приснилась*. Убью тебя О небо,
Лодочник.

Плавают мухи в стакане. Скрипя
Половицами,
Пол проседает за уровень.
Кольями, спицами
Сердце полосками выкроить
Вряд ли получится.
Жить от звонка до звонка,
Пользуясь случаем

В мир закричать о тебе –
Вдруг ты откликнешься?
С кругом на правой руке
Чаянно свыкнешься?
Будут в дорогу водить,
В соль прибаутками.
Мне без тебя не прожить.

Шутка ли?

Черные, белые звуки в глиссандо
Слаженно.
Мне без тебя не дышать.

Заживо
Нитками штопаны раны.
Сестрами.
Ладность созвучной гитары
Броская.

Чувствами в стиле Амбир
Ревность уляжется.
Это был фенотропил**.
Кажется.
В вену иголкой войдет
Шприц одноразовый.
Элементальный просчет.
Casual.

2008

* Сон, предвещающий беременность.

** Ноотропный препарат. Оказывает выраженное антиамнестическое действие, активирует интегративную деятельность головного мозга, способствует консолидации памяти, улучшает концентрацию внимания и умственную деятельность, облегчает процессы обучения, ускоряет передачу информации между полушариями головного мозга, повышает устойчивость тканей мозга к гипоксии и токсическим воздействиям, обладает противосудорожным действием и анксиолитической активностью, регулирует процессы активации и торможения ЦНС, улучшает настроение.

Кукольные слезы

Тебе со мной сложно...
Тебе со мной трудно.
За ручку прилюдно –
По ручке – нельзя!
Объятья украдкой,
Часы поминутно.
Пугливый мой мальчик,
Простой в три рубля!

Дела все глобальны,
Всем важен твой презент,
А мне – подождать.
Я пойму. Я твоя!
Но куклы – мечтают
И думать умеют.
Душой из опилок
Способны страдать.

Ты занят? Неважно!
Оставим... Как проще.
О том ли нам думать
Под блеском софит-
Ов? Все преходяще.
Ты помни, что, в общем,
Чем ярче любовь,
Тем быстрее сгорит.

2008

Птичий инстинкт

Ты отпустишь меня, если я захочу уйти?
Ты не будешь тревожить закатный мой полусон?
Ты не станешь гадать, ожидая до девяти,
Кто же был, не пустивший меня, Он?

Ты не будешь стоять на пути, если я уйду?
С легким сердцем забудешь в неведомый нам апрель,
Не прольешь на столе капучино с покорным «жду»,
Чтоб искать аналогию мне в виртуальном Lovemail?

Я – пробитая насквозь током твоей нелюбви,
Я отмучилась кем-то положенный вместе срок.
Затираются звезды, мельчают, ветшают скрипты,
И стареет значение некогда важных строк.

Вся символика – просто в знаки. Гриф «не для всех».
Телефонные линии остро в чью-то весну
Упираются рисками в небо, благостно вверх...
Ты отпустишь меня?
Простишь?
Благодарю...

2008

Скрижаль

Если тебе больно...
Если тебе трудно...
Хочешь, я буду чудом?

В бездну, на край, в штольню...
Вечно с тобой
Буду!

Если тебе грустно...
Воздухом – мгла и сырость...
Хочешь, я буду миром?
Солнцем, что только снилось...

Если тебе пусто...
Рифмы не нарушая,
Хочешь, буду искусно
Рядом... - твоя, родная.

Если тебе в тягость
Звуки, слова, жесты...
Я соглашусь на малость!
Даже уйду! Честно...

Если тебе градом
В горсти рока удары,
Просто скажи: надо!
Надо, чтоб ты
Осталась!

2008

Engels Tage*

Мне сегодня бы лишь полетать!
Выше неба и Млечных полян...
Свою душу размахом пронзая,
Чтоб взлететь и - увидеть тебя!

Зацепиться крылом за цветы
И остаться в любимых руках.
Эти истины, знаешь, просты:
Этот мир лишь для нас, лишь для нас!

Мое время отсчитано в Ты!
Мне бы только дожждаться утра...
Чтобы в час, когда сводят мосты,
Я смогла бы увидеть тебя!

Я б смогла, наконец-то, вдохнуть,
Пряный воздух и синь февраля...
Полетать бы... до неба – чуть-чуть!
Чтоб ожить и увидеть тебя!

2008

*Engels Tage - дни ангела (нем.)

Семантика покорности

Меня тянет к тебе, как тянулся к вину Ганимед,
Запечатанный в золото тонких колец Мнемосины,
Как летящий в бездонность галактик обманчивый свет...
Меня тянет неведомой, страшной, чарующей силой.

Я до боли хочу не дышать, упиваясь тобой,
По израненным резкостью стекол прозрачным ладоням
Прочитать наперед, что отпущено роком, судьбой –
Называй так, как хочешь... Твоя – и твоя добровольно!

Это плен! Сладкий, темный, тягучий – как паточный мед,
Не измеренный временем, вросший в меня степенями,
Уходящими вглубь, в бесконечность, в скрещенность свобод,
Вслух воспетый органикой, тайной и меццо-альтами.

Это странно... И сложно понять, отчего иногда
Я скрываю шипы, становясь до безумья послушной.
Я смотрю, как течет электрический ток в проводах...
И гадаю, быть может, тебе лишь пригрезилась нужной...

2008

An Ancestral Saga

It is me. You remember you said it to me only once -
You were scared to think I could probably have no care
For you, 'Darling. It's me – nothing but inharmonious scars.
It is you. So easy to find and frightful to fail.

You are dwindling to any above have been labeling skies.
I am resting in peace. You should know the case of this writing!
There's none of eternal unbreakable binding ties...
But the Law will declare the Darkness subsequently lighted!

You could have me beside you. I needed just only a word.
You were silent. You kept me against collapsing a sound
Of a unity. Was it too light to enfeeble the cord?
And be honestly, truly alone – so perfectly proud!

It is me. An enigma. It's you. A developing day.
Cotton sheets are so cold and swirled and confusedly tumbled.
No point in arguing. Stay... and please let come what may...
To you raised to No-more and to me unreserved... falling down.

2008

Тоника

It is just painful to love a man and understand he will never be the one you
wanna see beside you*.
Yulianna Nevskaya

Наши встречи с тобой - слишком редкие яркие праздники.
Я когда-нибудь просто устану мириться и ждать.
Это время закончится. Сменяются сцены, участники.
Я придумаю новый, отличный от нас, путевой календарь.

2008

*Больно любить человека и осознавать, что он никогда не будет тем, кого ты хочешь видеть рядом с собой.

Юлианна Невская

Недосказанность

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди...
Константин Симонов

Я петляю в мостах до вечера.
Мне бы шаль да браслеты на руки!
Так придется – случайно встречу я
И уйду. Локти в кольца – парюю.

Где-то черным пронзит бессонница.
Стали руки дрожать от допинга.
Жизни линия в две сломится,
Обозначится карей родинкой.

Мне любимей тебя – не было!
Моя нежность до мук взвинчена,
И в бесчестье тоска взвевяна.
Я осталась с тобой вычетом

Чьих-то жизней, не нами прожитых.
И засвеченными негативами
Все, что есть без тебя, сбросится.
Только б стать хоть на час сильною!

... А ты знаешь, в ракушках-мидиях
Что-то море сказать пытается.
И я только живу виденьем,
Ожиданьем, что ты возвращаешься.

2008

И голос творит чудеса

Поговори со мной в полночной тишине...

М.Подберезский

Ну, скажи мне, скажи что-нибудь!
Ввысь словами возьми за душу,
Я пройду по пунктиру смольному
Тихо на цыпочках-пяточках.

Я дыхание на миг сдержанно
Приглушу, холодеют пальчики...
Слово дорого. Дай взвешенно!
Полетят по стене зайчики

Сплошь из окон теплых, солнечных,
Лишь дождаться бы: слово брошено.
Счастье малое – из крошечных.
Слово дарено. Слово – прошено.

Не молчи! Ну, скажи что-нибудь!
Не води по стеклу спицами.
Мне отсутствие песни боязно
Недопетыми в такт страницами.

Мне неважно. Пусть – что-нибудь!
С твоим голосом мир включится.
Говори со мной! В отзвук сдвоенный.
И я верю: все сбудется!

2008

Узы

Скрытое - явное.
Тайны - желания.
Хочешь знать главное?
Вне понимания

Мы не разменяны
Прихотью, случаем,
Связаны, склеены.
Это ли к лучшему?

Души-синонимы.
Отблески зрения.
Мы не сторонние
Вне обзора.

Мы не похожие,
Мы – идентичные!
Слажены, сложены
В роспись страничную,

Вбиты и клеены,
Мы - постоянные.
Знаешь, а это ведь
Самое главное!

2008

Нежность моя

Я боюсь захлебнуться нежностью.
Пусть избиты мои образы!
Без тебя тают вишни снежностью
И стеклом струи-реки скованы.

Ты – моя негасимая солнечность!
Моя радость, заря первоцветная!
Без тебя я нема и беспомощна,
Без тебя каждый вдох – последний мне.

Отступные слагать незачем.
Я твоя. И твоя полностью!
Без тебя даже воздух разреженный.
Без тебя каждый звук – минорностью.

Без тебя каждый день – лишний мне,
Лишь с тобой сердце в кровь – частое.
Я готова столетья выстрадать
За один только взгляд ласковый.

2008

Глаза в глаза отзывом

Даже если - другое имя,
Для меня ты не сможешь не быть!
Я люблю тебя, крепко, сильно
И я буду всегда любить!
Юлианна Невская

Я останусь с тобой.
Только если ты этого хочешь...
Не спеши говорить, звуки - ветер,
И могут солгать.
Я останусь с тобой.
Ты ведь этого хочешь? Точно?
Я люблю тебя так так,
Что об этом бы лучше не знать...

Я останусь с тобой, если правда
Все то, во что верим.
Что ты будешь со мной,
Потому что иначе - нельзя!
Я останусь с тобой
До дыханья внезапной потери,
До излеченных только тобою
Чудовищных ран.

Я останусь с тобой.
Я останусь! Возьми мои руки,
Успокой, приласкай,
Протянись с поцелуем к губам.

Я останусь с тобой,
Только если действительно любишь.
Витя, милый, родной,
Я тебя никому не отдам!

2008

Турбулентность души

... Напоминаем вам, что курение на борту нашего самолета строго
запрещено...

Пожалуйста, пристегните ремни безопасности и убедитесь, что ваш
сотовый телефон отключен...

Температура за окном - минус пятьдесят семь градусов по Цельсию. Мы
входим в зону турбулентности...

Не пытайся меня ограничить пределами-рамками.
Это мир так неправилен. Стоит ль искать совершенство?
Я - такая как есть. С бесконечно-терновыми ранками.
Я такая как есть. И в этом вся боль и блаженство.

Я прошу у тебя об одном - сохрани меня в близости.
Как угодно! Кольцом, обещаьем, объятьями, клятвами.
Ты - такой же как я! Очень тонкий, любовью пронизанный.
Я любовь твоя срОдни моей. Но сильнее многократно!

Я боюсь без тебя! Даже воздух чужой и морозящий.
Я умру без тебя! И кураре в глинтвейн послевкусием.
Что-то тянет и очень болит где-то прямо под ложечкой.
Разве можно еще быть друг другу все более нужными?

Боже мой, этот рейс никогда, никогда не закончится!
Эти люди вокруг... А ты где-то внизу и - невидимый.
Я снимаю очки. Знаешь, очень болит переносица...
И еще много дней до того, как мы снова увидимся.

Так темно за окном... В поднебесье железными птицами
Пролегли между нами часы, города, параллельности.
Эти люди пугают меня сплошь гранитными лицами!
Чтобы только с ума не сойти, дай мне силы и смелости!

Я люблю тебя! Мне без тебя не живется, не дышится!
Как другие смогли, разлученные в паре, далекие?
Мне бы только тебя на секунду, но все же услышать бы!
Где ты, милый мой, где? Мне так страшно лететь одинокою...

2008

Вольно!

Мы устанем залечивать сложные травмы друг друга.
И вконец разорвем этот проКлятый гордиев узел.
Нам, наверное, легче и впредь уже больше не будет.
Может быть, ты был прав, но мне все же отчаянно нужен!

Витамины не пью. И психованной больше не буду.
Разобьюсь у метро и повисну в плетях турникета.
Прозвучи на фоно отголоском. Мы все-таки люди!
И мы тянемся, пусть не желая, ко лгущему свету.

Санчо-Панса не в моде. Релизом, последним аккордом
Зацепись за осколки любви моей, но осторожней!
Я хочу, чтоб ты жил! Обязательно ярко и долго.
А я буду любить тебя с краю. Мне все-таки можно?

Я боюсь, что не выдержу, если с тобой я останусь.
Я чуть-чуть ненормальна. Я столько тебе написала...
В отражение ионовой лампы я медленно стареюсь.
Ты ведь можешь вернуться! Ты можешь начать все сначала!

Тебе так тяжело! Ты молчи. Я ведь все понимаю.
Это время пройдет. И осыпятся звездные стразы.
Только первый шаг труден. А дальше пойдет как по маслу.
Уходи! Уходи. Уходи... Только быстро и сразу.

А я буду смотреть, застывая улыбкой блаженной,
Невдомек, почему же с тобой мне быть порознь сложно.
Ведь тебя разлюбить невозможно! Never*, наверно...
Если я не приду, ты ведь тоже ко мне не вернешься?

Вкрест и накрест вживаться друг в друга мы больше не сможем.
И нам лучше уйти, чтоб не делать мучительно больно.

.....

Это, кажется, точка, где чувства вживляются ложью...
Посидим на прощанье. И будет... Милый мой!
Вольно!

2008

*Никогда (англ.)

Цветение сакуры

Кто-то жил без тебя. Кто-то дальше, наверное, сможет.
И покажется странным, что вровень с дыханием, - остаться.
На меня нападает сомнение ритмической дрожью,
Ну, откуда любви ниоткуда и в цельность собраться?

А другие молчат. За слова говорят их поступки.
Я, должна быть, слепа. Может, вкупе проблемы со слухом.
Ты ведь мог быть другим? Ты бы мог постараться быть чутким?
Я б могла быть сильнее... И, может быть, чуть равнодушей.

Но я лгать не могу! И молчание здесь - полуправда!
Отчего я должна была прятать горевшие чувства?
Ведь в любви не играют по неким всеобщим стандартам,
И пытаться пригладить меня нивелиром не нужно.

Я, наверное, сплошь не такая. И все же мечтала,
Что когда-то надену летящее белое платье.
Только, как бы того ни хотела, не так посчитала:
И любви моей, сколь бы огромной, обоим не хватит.

Нам отмеряно было не больше, чем можно представить.
Даже фильмы кончаются. Что уж о нас? Небылицы.
Да вот только любовь уходящую стоит спасти ли?...

*****

Ты ведь так хотел верить, что это со мной не случится.

2008

Резюме

Тот, кто знает ответ, никогда, ни за что не расскажет.
Нам придется считать тропы-петли изломанных судеб.
Я однажды вернусь. Ты ведь тоже вернешься однажды?
Чтоб по-детски поклясться, что так больше в жизни не будет...

2008

Осовремененная клинопись

Это просто сильнее меня.
Так любовь вырывается крОвью,
Сомненьями-каплями вбившихся явью ЧС.
Тридцать три года жить,
Чтоб понять: мы ведь многого стоим!
Древесной смолой нам на плечи
Наклеится крест.

А вчера я была не с с тобой.
Я пыталась забыть твои руки,
Дрожащие губы, скользящие
В бархатность плеч.
Мне так сложно поверить, что ты меня
Все-таки любишь,
Что стоимост нашей игры –
Сотни, тысячи свеч.

Я готовлю какао.
И плещется боль в подреберье.
Инфекцией в горло болезнь
Межсезонной тоски.
Все, что есть без тебя,
Неизбыточно мне параллельно.
Я царапаю стилусом стол:
Ты и я – это мы.

Только так ли звучит
Соответность октановых чисел?
Чтобы просто понять,
Нужно несколько жизей прожить.
Мне не хватит одной!
Время в ключья стирается быстро.

Тянет годы на счет в Лабиринт –
Ариаднина нить.

Ты так долго прожил без меня...
Я ревную тебя даже к датам,
Где отсутствуют связи совместные наших имен.
Ты, наверно, устал.
И, наверное, скажешь мне: хватит!
Ну, а Я буду петь про замученный осенью клен.

Я так странно звучу.
И ко мне очень сложно привыкнуть.
Только хватит ли сил у тебя не сдаваться и ждать?
Где-то все же найдется какой-то искусственный выход.
Я смогу стать сильнее.
Нормальнее чуточку стать.

Наша драма в стихах
Недописана, только однажды
Встанут образы в ряд, зацветя
В Гефсиманском саду.
Ведь такое не может случиться с случайным и каждым.
Я вернусь! Только жди.
И поверь, никогда не уйду.

2008

Малиновые поцелуи

Я целую тебя - нежно-нежно,
Как Мадонна младенца - чисто.
Пусть весь мир подождет - спешный.
Пусть пылятся в углу письма.

Половинками мандолины
Упаду я к тебе в губы,
И пусть Солнце в закат стынет,
И пусть льются в небыль сутки.

Ко всему, что не я, - ревную
И целую тебя - силой крайней.
Нет малиновой поцелуев,
Кроме данных вдаль - на прощанье.

2008

Несезонный март

Не ищи меня... Знаешь, я стала кошкой.
Не суди меня. Дай мне дышать свободно.
Я ходить неслышно умею, царапать ловко,
Лишь тогда, когда я не бываю кроткой.

А ведь раньше... Я худела кило на двести,
Оттого лишь, что не видела тебя часто.
Ты не гладь меня против жесткой шерсти.
Покорми меня лучше. Кровью с мясом!

Я тянула на крыше в полоски солнце,
Лишь бы ты оставался всегда здоровым.
И последний кусок нежности, до крошки,
Отдавала, безапатично и безусловно.

А ты где-то ходил, меня не ведал,
Ты на кошку, больше чем я, похожий.
Возвращался лишь за лаской да за обедом,
Улыбаясь мне, пожимая плечами просто.

А я слов почти не имела. Только вздохи,
А потом приучила себя мяукать.
А дома надо мной смеялись в бетонном стебе,
Ты другую тогда обнимал и тянул к ней руки.

Оттого, не кори, я нечаянно стала кошкой.
Я ушла из подвалов и этажей нижних.
А любить я тебя буду, наверное, долго:
На все данные мне девять кошачьих жизней.

2008

Серные карты

Ты не захотел меня дешево, почти задаром...
А время потом подошло - собирать камни.
Время нещадно лупило нас каким-то слепым радаром.
А я ходила гулять и смотреть на серные карты*.

И я полной грудью дышала тогда аш два эсом,
Но только мало, чтоб в убой мне не задохнуться.
А ты гонял по асфальту на глянцевом мерседесе
И ничуть не думал том, чтоб наконец вернуться.

А потом что-то сломалось. И небо стало серым.
Я не знаю - от туч ли... или очки мои такие?
В кои веки я вдруг стала по-французски смелой,
А на серных тропах человечки странные ходили.

И я даже (сама!) тебе зараз позвонила.
И ты показался знающим, но отчего-то старым.
Я еще, кажется, тогда тебя любила,
Когда не ходила гулять... и смотреть на серные карты.

2008

* участки хранения извлеченной серы, огромные желтые стены. Сера складывается в результате переработывания нефти.

Патетика

Я, наверное, больше ничего не знаю...
Ведь внутри меня огромные черные дыры.
Это все банально... Любовь проходит по краю,
Меня статус "все возможно" на "все было".

А по цифрам больше всего психопатов,
Убийц, маньяков,
Тех, кого личиной предсказать невозможно,
Получается как раз из моего знака. (Дева)
Ты иди поэтому на цыпочках...
Осторожно.

Меня твое отсутствие даже больше не ранит.
Ну, и что с того? Мы не будем играть
Трагедий.
И это нормально. Я одна вечерами.
А ведь так удобно, когда ничего
Не светит.

Ты никогда не пытался меня понять,
А хотел владеть лишь моим телом.
Я не отдам тебе лоскут души, где кроется моя свобода.
Любовь безразлична, беспредельна...
И в этом ль дело?
Не старайся меня добить.
Я не хочу жить тебе в угоду.

Я, наверное, такая досадная опечатка!
А хотела нежностью запастись впрок, но
Ко мне подъехала фиолетовая девятка,
А в ней я совершенно случайно увидела

Бога.

Не тебя. Это что-то из цикла
"Секретные материалы". Очень давнее.
Я даже дрожу по-детски.
А наша любовь (ли?) похожа на мексиканские сериалы.
И от банальности кризиса никуда,
Никуда не деться.

Ты хотел простить меня? Да нет.
Знаешь, не надо.
Я сама как-нибудь.
Мы разные с тобой пароходы.
А любовь ходила по краю.
Это грустная-грустная правда.
Я напьюсь томатного сока и содовой.

А когда ты звонил мне,
Я всегда брала трубку (даже злая),
Чтобы ты вдруг не подумал,
Что все стало финитой.
(Я не знаю, как это написать правильно).
Я одно только знаю: нам не подходят определения
Стандартные,
Как биологические ритмы.

Это все забыть легко.
Важно просто не помнить.
Не перебирать строки ушедшего лета.
Я читаю "Здравствуй, грусть"*.
А потом - в шляпу и сорри.
А потом "Кусочек солнца"** и того,
Кто плывет где-то.

Я не хочу быть с тобой, повинуюсь
Стадному инстинкту.
И из стикеров вырезаю розовые ладошки.
Это правда. "Улыбнись, потому что это было".
.....

Ты ведь думал, что я никогда тебя не брошу?

Может, нет.

2008

* "Здравствуй, грусть" - повесть Франсуазы Саган.

** "Кусочек солнца в холодной воде" - повесть Франсуазы Саган. Оба произведения принесли ей мировую известность еще в юности.

1001

Прикоснись ко мне. Мне холодно и пусто.
Дай мне воздух в грудь пылающим дыханьем.
Кто-то скажет: время в нас меняет чувства.
Я люблю тебя. И к черту расстоянья!

Отдаленность нас не делает любимей.
Мне бы все отдать, чтоб смочь тебя увидеть!
На сверхтонком телефоне твое имя.
Медицинские невидимые нити

Повязали воедино миокарды.
Это будет посильней заклятий Вуду.
За тобой пройду по млечным звездным картам.
Я люблю тебя. И верь: любить я буду!

2008

Когда тебя рядом нет

А когда тебя рядом нет, у неба появляются ноги.
И оно от меня уходит, забирая с собою воздух.
Я тогда надеваю лорнет и вхожу в черный смокинг,
Превращаясь в что-то наподобие фикусового отростка.

Кто-то назвал бы это "любовью" детерминированно бессильно.
Я бы сказала: больше! Только слов таких еще не родили.
И плеоназмом было бы очернять листы синим.
Это все инстинкты. Внутренние, примитивные.

(Я ни о чем не думаю. Становлюсь деревом.
Перемешиваю себя в общем котле ложкой.
Ты - perpetuum mobile, ты умеешь управлять временем.
Все гениальное просто.)

Это как выстрадавшая математика Ковалевской.
Сброшенная граната в жадное дупло шурфа.
Резь воды по лицу, рвущая острота бегства.
Волны портвейна концентрированного сосудного сгустка.

Рифмы нет. Лишь одна есть соединенность.
Как большой взрыв, когда на тебе мои руки.
Это легче, чем кружевная розовая влюбленность.
И сильнее, чем апокалиптические судороги.

А когда тебя рядом нет, луна - лишь большая желтая дырка.
Звезды - блестящие шарики к падающей раздаче.
Я вжимаюсь в кожаную отчужденность автомобиля.
Становлюсь маленькой девочкой...
И плачу.

2008

Перекресток

Я удивляюсь... А если бы нас выбрали селекцией?
Мы подошли бы друг другу, шипами в пазы врезаясь?
Или в нас вкололи бы беспамятства инъекцию,
И мы притворялись, что друг друга (о, нет!) не знаем.

Мы бы сошлись, как непрогнозируемые циклоны,
И потекли сонаправленностью Гольфстрима?
Или отгородились бы картонным забором,
Глядя строго ПОд ноги. Значит, мимо!

Что, если бы мы совсем в разных веках родились?
Ты бы дождался меня? Я бы - точно!
Романтика для кино хороша. Для жизни - мыльна.
Но я бы держала слово. Прочно.

Мы не герои образца девятнадцатого века.
Но от этого любим не менее сильно!
Любовь не лотерея беспроигрышного билета.
Любовь измеряется светом. И крыльями.

Что, если бы мы друг друга совсем не знали
И по одиночке превращали в цветы крошки?
Мы бы обязательно с тобой повстречались!
Ведь по-другому быть просто - не может!

2008

Тысяча дней одиночества

Знаешь... Я хотела тебя всеми правдами и неправдами.
Я врала участковому о своей городской прописке.
Безуспешно искала в аптеке пентабарбитал натрия.
Высасывала жизнь из яблочных огрызков.

Гипнотически смотрела на водопроводные краны.
Бурая субстанция продолжала капать.
Она разбивала эмалированную раковину.
И я от страха тогда начинала плакать.

Я роняла телефоны с замусоренного балкона.
Они падали с десятого этажа и бились.
Я нарушала предписания сухого закона.
Ты думаешь, легко просить в метро милость?

Фонари смотрели одноглазыми циклопами.
И я пела в подворотне ковбойские песни.
Да зачем мне какие-то Америки с Европами,
Если тебя нет со мной вместе?

Я содрогалась в плену из органзы, тиной
Затягивало небо, и я жуков собирала для света.
Еще пила просроченные витамины
И истерила на границе города с летом.

Это даже не было для меня страшным.
В тот год уплыли белые пароходы.
И черные люди говорили по-ненашенски,
Я носила шляпу, глотала виски с содовой.

Еще сажала цветы на тротуарах,
Но асфальт упрямился и не хотел сдаваться.

В мусорных контейнерах вспыхивали пожары.
И бомжи делили на троих доллар двадцать.

Я была молода, читала Пушкина, любила пылко.
Лепила стрикерами на зеркало планы.
А потом пришла кратковременная амнезия.
Я поставила знак «равно» и все забыла.

Ходила на завод с пролетариями, строчила шторы.
Вечерами кадиллак вез меня в большой театр.
Меня тошнило от общественной столовой,
И я снова бежала за пентабарбиталом натрия.

Я искала тебя в трещавшем телефонном списке.
Я не верила, что ты ушел от меня навечно.
Это слишком больно, когда по-английски.
Но я сжимала губы и варила гречку.

Меня изнутри поглощала Марианская впадина.
До того все желания мельчали в сравнении с прошлым.
Я в витринах разглядывала платья свадебные
И решала, что жить еще нужно и можно.

Я отводила несуществующих детей в садик,
Я не помнила, что все садики давно закрыты.
Я ждала тебя до появления электрических пятен
В тех домах, где люди всегда спокойны и сыты.

Я все думала, а, может, сейчас ты выйдешь!
Сторожила «Итоги недели» по воскресеньям,
Читала анонсы и некрологи на последней странице,
Расшифровывала портреты в цвете и полутени.

Пила жутко горячий кофе, смеялась
И думала, где же мои все подруги.
Рвала «Мемуары гейши» в ярости,
От недостатка кальция по ногам проходили
Судороги.

Я бросала работу, вставала на учет на биржу,
Покупала апельсины на социальную подачку.
Чинила двери и правила антенны на крыше.
Тише! Подожди... Кажется, ребенок плачет?

И зачем, скажи, мне все это нужно было?
Вышла б замуж и ходила на йогу и фитнес,
Швыряла руки с брильянтами, травилась махито,
Ходила с рекламной улыбкой и кудрями завитыми.

Но я ждала. Я думала, ты вернешься сегодня-завтра.
Я даже ночник не выключала на время.
Я держала в холодильнике твое любимое шоколадное масло
И никогда, даже когда очень хотелось, его не ела.

Я твой обратный билет повесила на стену в рамке.
Заламинировала, чтоб он (не дай Бог!) не помялся.
Это как красота, вывернутая наизнанку.
Лишь точки да линии, в гламуре и глянце.

А ты пропал где-то в районе Бермудов,
Не откликался, игнорировал все позывные.
Ты, наверное, думал, я быстро забуду...
И говорил, у разлуки – вкус и запах полыни.

Я носила все черное и смотрела на бирки.
На те, которые лепят на ног большие пальцы.

Почему-то в том месте пахло вином и сыром
И мне предлагали стопарик водки и сальца.

А еще я ходила, где мрамор, швейцар и пальмы
И заполняла какие-то непонятные мне бумаги.
Шуршала бластером пентабарбитала
И красной ручкой рисовала маки.

Ты заметил, у мам всегда получаются песни
Колыбельные, это не зависит от слуха и тона.
Я смотрела «Криминальную зону» и «Вести».
А где-то плакал несуществующий мой ребенок.

И я даже придумала ему особенное имя.
Ведь для мам дети неповторимы.
Если б родился мальчик, я бы назвала его Даниилом.
А девочку – Эмилией, сокращенно – Лией.

Я в миллионный раз перекрашивала кухню в рыжий.
Я же помню, тебе так нравился этот оттенок!
Я худела от пустых тарелок и лезла на крышу,
Чтобы заработать. А от боли лезла на стену.

И мне даже не помогал пентабарбитал натрия.
Я стащила его у знакомого ветеринара.
Мне бы никакой врач не дал его из-за клятвы Гиппократовой.
Я блаженно улыбалась театральным столбам и гуляющим парам.

И я ужасно хотела, чтобы у меня все было – так же!
Ну, почему остальным всем это было можно?
Лореаль оставлял на щеках невразумительные кляксы.
И я клялась себе, что успокоюсь. Но только позже.

Меня принимали за сумасшедшую и наркоманку.

А гитара оттягивала мне сломанные плечи.

Я пела романсы в переходе около гос.банка.

И синие воротнички забирали меня под вечер.

И я искала тебя в городах безуспешно долго.

Я грезил тем, что ты, наконец, найдешься.

Я знала, ты где-то есть. Мне бы сил немного!

А когда мне говорили «забуди!», я улыбалась ложно.

Они говорили, что ты никогда не вернешься.

Но все ведь возможно, если смертельно хочется?

Я верю: ты придешь, обнимешь меня и просто

Убьешь мою тысячу дней одиночества.

2008

Осенний марафон

Тысяча семьсот восемьдесят девять.
Год смерти Бастилии.
Код твоего телефона и –
Ночей
Синих-синих.

Такого еще никогда
Не бывало,
Чтоб крики - слатце
Сахара.
Я пеленалась
В одеяло.
И молча, молча
Плакала.

Безумней, чем мы,
Не видел город.
Сплетались крепко клетки.
Небо жгло дождем и стоном
Главного
Моего
Человека.

Но по ночам мир
Шатался,
От страсти
Теряла имя.
Летел в неизвестность
Пол и
Земля быстрее
Кружилась.

Придумали
Чудо свое и
Боялись терять
Случайно.
Друг другу твердили:
- Буду!
Врозь – десятибалльная
Шкала отчаянья.

Я помню все. Ты уезжал
За евро на автокаре
Работать двенадцать часов.
А я
Теряла сознание
На паре.

Была готова
В Сибирь и в воду.
Не хуже жены
Декабриста:
Вагон времени,
Прогноз погоды.
И сотня
Твоих писем.

И, если б война, голод, смерть, -
То, что страшней
Не бывает,
Я бы пошла за тобой.
И так
Треть жизни
Ждала ночами.

Слушала Дебюсси и

Носила очки
С диоптриями.
Надо мной вжималась в душу
Синь.
Белела кровать,
Разобранная.

И страшно вдруг –
Любви такой
Быть не должно
В природе.
Это как в шахту,
Без строп,
С головой -
Что такое. Вроде.

Лепила кресты –
Скотч на окно,
(это
как
в бомбежку).
Чтобы стекло
От моей любви не
Выбило
Просто.

Я каждый день -
В Аэропорт
С большой черной
Книгой.
Понять не могла
Билетный сбор.
А книга звалась:
Библия.

Ждала самолет, тот,
Который летит поздно вечером.
Какой-то занятный
Черт
Шептал,
Что я –
Глупая женщина,

Что он зажигал фонари и
Шел к Фрау с бантиками,
Они играли сонату три
В комнате
С белыми квадратиками.

По чашкам делила чай и
Знала:
Лето
Кончится.
Покорно ждала прием
Главврача.
Он бил по плечу:
Молочница.

И в первый день
Детям - цветы
(Астры, последние
В августе),
Я полюбила цифру
«Один»
И - замирала от
Радости.

Взяла кожаный твой
Чемодан
Прошла по ступеням
В прихожую.
Мы не включали свет,
А жаль...
Я думала:
БОже мой! Боже мой!

Мой черт, собака,
Был неправ!
Едва умом не тронулась.
Он помолчал чуть-чуть.
Сказал:
- Давай
Шутки в сторону.

Ты знаешь,
Это случилось так.
Я шел к Фрау с бантиками,
Мы играли сонату три
В комнате
С белыми квадратиками.

И много чего
Еще говорил.
Я молча его
Не слушала.
- Соната три?
- Да, три.
Меня обвела
Ненужною.

И так пошел

Мой марафон.
И песни случились
Пьяные.
И на меня летел
Коридор
Обоймой дешевой
Рванюю.

И я как будто
Цель-автомат
С отжатой в спуск
Кнопочкой.
Он улетел через месяц.
Рад.
- А ну, налей-ка стопочку!

И так сложился наш узор –
Что спекся с первой встречною.

*****

Сумейте сберечь свою любовь,
Она не будет вечною.

2008

Черная сказка

Черные вены моих запястий
Живут отдельной, собственной жизнью.
Когда-то мне казалось ясным,
Что я без тебя не имею смысла.

Сейчас во мне забилося сердце,
В черные клетки захват кислорода.
Черные нервы пронзают тело
Линий нагрузки черного дома.

Плачет паркет. Бьются носами
Балконы в острое черное небо.
Какими мы были... Какими стали!
А раньше казалось - белее снега.

Мы пели друг другу цветные песни,
Летом ходили за черные горы.
Тогда мне казалось: мы будем вместе,
Но все изменилось чернильно скоро.

И кольцами душ разомкнув несмело,
Черные двери захлопнули с лязгом.
Кому, в конечном, какое дело,
Что наша жизнь - лишь черная сказка.

Моя любовь

Все, что мельче любви моей, я не считаю любовью.
Моя мера - убиться! Летать! в зимы-весны гореть,
Чтоб прожить ровно столько, на сколько рассчитан пуд соли,
Чтоб пройти водопады, пожарища, трубную медь.

Все, что тише любви моей, - это искусственный выдох,
Суррогат кровавого желе на стигматных висках.
И копеечный страх за тридцатник: а выдаст - не выдаст,
Предрешенность неравной победы Давид-Голиаф.

Все, что проще любви моей, лишь симфонический отзвук
Профальшивившей скрипки из партии цикла "Времен",
Как зубная болезнь, излеченная теплою содой,
Как бегущий по бьющимся линиям жидкий фреон.

Все, что легче любви моей, тает на завтрашний вечер,
Оставляя туманное солнце на западе стыть.
Я не знаю, надолго ли... Но не короче, чем вечно.
Чтоб измерить любовь мою, нужно лишь ею прожить.

2008

Сердце Сахалина

Серое солнце смотрело в промокшую спину.
Пряник крошился и падал вареньем на губы.
Трескалась кожа от колких ветров Сахалина.
В спальнике - руки в кольцо. Вечно-мерзлые сутки.

Пушкинским стилем романтика явно не пахнет.
Суп на стакан, концентрат шоколада к десерту.
Тянет промозглостью свет электрических маков.
Что тут уже говорить о довольствии сердца!

Каждый дороги свои выбирает. Наверно,
Правильность выбора так утвердится годами.
Кто-то скучает и видит знаменья на стенах,
Кто-то бумажную россыпь в карман собирает.

Ярки сюжеты в момент черно-белых затмений
Серого солнца, бегущего по небу криво.
Больше нигде не погаснуть от северных жжений,
Как только неба слепого снегов Сахалина.

2008

Розовый май

За фреоновым однообразием
Протянулся апрель заученно.
Я живу мимолетно сказанным:
По тебе я безумно соскучилась.

Я крестом отмечаю пятницу,
Время тянется, время - близится.
И считаю часы до якоря,
Когда сможем опять увидеться.

2008

Весеннее

Моя любовь... Так может быть, сильнее,
И первородней рук твоих касаний.
Но только то нас всеобъемлюще согреет,
Что лишь вдали стремительное пламя.

Не обожжешь. И даже не излечишь,
Лишь потому, что ты - не волен ранить.
Но лишь твои свехатлантические плечи
Ведут меня - от горя и до мая.

Забуду все. Тебя лишь помнить буду!
Протрепещу в любовь до тонкой нервной дрожи.
Засветит небо в фиолетовое утро.
Есть ты и я. И нет того дороже.

2008

Реакция любви

В моем сердце горят нейроны.
Пусть летят кровотоком брызги!
Говорю с увереньем Нерона:
Без тебя я себя не мыслю!

Пусть стареют электротоки,
Пусть взовьется в озон магма,
Обнулится валюта на стоке...
Без тебя б не жила. Как бы?

Пусть синтагмой прольется имя.
В наши белые-белые ночи
У меня вырастают крылья.
Я люблю тебя. Это - точно.

2008

Двадцать первая правда

Наивной, наверное, быть и не надо...
Читаю поэзию Гиппиус.
И в сердце стучит двадцать первая правда,
Меняя ритмичность вычурно.

И ждать... Да? Доколе? Мне можно поверить?
С тобою сложиться слагаемым?
Но тот, кто жесток, тот так мягко постелет,
Споет про волчонка скраешку.

Я маркером черным пишу алгоритмы,
Срываю трехфазную будничность.
И к каждому дню выбираю открытки...
Надеюсь на... Что-то получится?

Любовь выливается схватками, днями
К тебе прикипела тавровой
Балкой. Срываюсь! Но мне изменяет
Мечта двадцать первой правдою.

Разрезаны поВерх, согнуты по краю
И, может, оставлены к лучшему.
Приходит, проходит, уходит, сгорает
Любовь двадцать первого случая.

И столько хорошего брошено в энность!
И завтра стучится складное.
Но мы разбежались за разные стены
Моей двадцать первой правдою.

Я помню, ты звал меня "Миа Маркиза",
Задаривал кожей от Гуччи, но

Любовь (не для нас) улетучилась в числа.
Но только ли... к лучшему? К лучшему?

Очки на глаза, чернотой закрываясь
В дисплей оцифрованной робостью.
Уходишь. Я знаю. Так тоже бывает!
Лечу двадцать первой скоростью -

Разбиться! И в гипс! Только чтобы не думать,
Залезть в одеяло прокатное.
Любовь умирает... И старится юность
Моей двадцать первой правдою.

2008

Ирреальное завтра

Ну да... Ты бы лучше сказал: не надо!
У меня в крови эндорфины скачут,
Никогда мне еще так не было сладко...
Чтоб меня забирали всю, без сдачи.

И давление прыгало раз в пятнадцать.
И в горошину я надевала платье.
И потом "ча-ча-ча" - что-то вроде танцев.
Я тебя обнимала, молила: хватит!

Прикрывала, стесняясь, свои коленки,
Но просила лед и напиток с лаймом.
Я сползала вниз по шершавой стенке
В андеграунд чувств до потери тайма.

Я упрямей и тверже была - секвойи,
Разрастаясь ввысь до Пизанской башни.
И казалось, это звалось любовью
Ирреального, смутного, бывшего завтра.

И в колонках про космос пели "Земляне",
Я ломала ногти в гитарные грифы
И качала красными в такт волосами,
И писала тебе замудренные рифмы.

Ну да ладно! Лучше б сказал: не надо.
Не кроила б платье, не резала шторы.
И тогда бы я замолчала вряд ли
От того, что, казалось, звалось любовью.

Смертные ангелы

Ангелы бродят по черному лесу.
Ждут, загорятся ли многоэтажки.
Тянут в куплеты солдатские песни,
Держат в руках своих пиво, фисташки.

Ангелы пишут стихи на картоне,
Кудри сдают за грошовую цену.
Ангел с ружьем - и готов к обороне,
Он не умеет стоять на коленях.

Ангелы смертны. И бьется посуда,
Счастье на ветер - осколки летают.
Ангелы эти залпом шагнули
В вечный огонь на девятое мая.

2008

Абсолютная любовь

Ты купишь гитару, оденешься в красную кожу.
Не Бог вещь подарок, могло быть, наверное, лучше.
И звезды - тугие и мятные! Вкусом как Орбит
С малиной, и свежестью давят колючей.

А Солнце на нОчь отключило свои термостаты,
Воздушные волны не бьются о небо пустое.
И это все было б смешным и немного занятым,
Когда бы так холодно не было мне, и так больно.

Черное море утопит свои пароходы,
Я буду ждать и надеяться только на чудо.
Буду любить тебя сквозь световые годы,
Силой любви моей, силой любви абсолютной.

Мокрым асфальтом застелены наши дороги,
Я буду йогурт, а ты заказал себе пиццу.
Ветер колотит цветными огнями по стеклам,
Знаешь, любовь ведь не может так просто случиться.

Я нарисую кораблики белого цвета,
Верю: все будет, как раньше еще не бывало.
Лишь календарь помнит наше последнее лето.
Пусть будет шаг! И возможность придумать начало.

2008

Фатум

Коммунальные стены
Упавшего дома.
Я уверена, все
Быть могло
По-другому.
Я б сидела,
Курила
И кашляла
Кровью,
Упрямо следила,
Как пал
Астероид.
Ты – док,
Врачеватель.
Больна.
Даже больше!
Ты скальпель
Погладишь.
Меня
Обезболишь?
Вольешь в мое горло
Немного
\Отвертки\
Сминая неловко
Фольгу от обвертки.
Я плакать не буду.
Я буду сильнее!
Дай крылья и в путь! так
Ну что, полетели?
*****
Качается, думает
Капля на шприце.

Лишь тот не летает,
Чей фатум – разбиться.

2008

Там, где большая любовь

Я не даю обещания, которые не могу выполнить.
И если ты скажешь «уйди», я все равно останусь.

И мне придется резать руки бритвами.
Но не для того, чтобы вызвать к себе жалость!

Я (просто) жить без тебя не могу, не умею,
Мне лучше смерть, чем с тобою порознь!
Я тебя люблю, я жду, я буду верить!
И всё получится, скоро будет всё!

Ты только не уходи, да, ты останься,
Меня не будет, если ты вдруг исчезнешь!
И я в аккордах мендельсоновского вальса
Буду пытаться забыть тебя. Но безуспешно –

Я знаю это. Я пробовала. С другими все – воздух.
Давай не делать пустых минорных ошибок.
Я знаю, что я – это очень непросто.
Но я люблю тебя так – беспредельно сильно!

Если б была возможность забыть тебя,
Я сделала бы это – не иначе!
Только без тебя мои крылья не могут вырасти,
Это ведь тоже что-то значит?

Удержи меня. Не дай мне наделать глупостей!
Я твоя? Так сделай то, чтобы я понимала –
Это точно, верно! Без лукавой мудрости
Мы ведь любим. А это уже немало.

Да, я знаю: терпение, разность характеров,
Ценности. Это все, в конце концов, важно.

А любовь сродни проклятой слабости,
Мне без тебя тяжело. И страшно.

Я не верю, что ты уйдешь. По-другому просто не сможем!
Пусть судьба, рок, как диагноз неизлечимо,
Это понять беспредельно сложно.
Но я люблю тебя! Крепко, сильно!

Поэтому ты просто не уходи, останься,
Я хочу почувствовать себя любимой!
И, может, я дождусь того самого вальса...
*****
Иди пить какао! А то совсем уже все остыло.

2008

Спустя

Позвонишь. И задушишь резко
Арифметикой сложных игр.
Воздух Уже, больнее. Тесно!
Сердце в ритме нервного тика

Очертило круги до окон
Запыленной многоэтажки.
Что жалеть? Я уже не дрогну.
Я уже не задумаюсь даже.

Профиль твой и стеклянный запах,
И слова разбиваются мимо.
Режиссер, ты закончил. Снято!
Нам пора избавляться от грима.

Не ромашка. Немного проще.
Пусть не любишь. Но все же – выбор.
Я в момент задохнусь от злости.
А закончу стандартным всхлипом.

Но и ты не жалея. Сознание -
Я украла твой запах. Ближе
Буду даже на расстоянье
С безразличьем взлетевших с крыши.

2008

Завтра

Если когда-нибудь завтра наступит,
Я в первый раз вдруг увижу тебя.
И я поверю, что все еще будет
Лучше, чем было до этого дня.

Звезды рассыплются в наши ладони,
Так все мечты превращаются в явь.
Жить для любви обязательно стоит,
Жить для того, чтоб любить лишь тебя.

Я буду плыть в журавлиные стаи,
Имя твое буду в сердце хранить.
Большой любви невозможно представить,
Крепче, чем я, невозможно любить.

Если когда-нибудь завтра наступит,
Я в первый раз поцелую тебя.
Эта любовь, без сомнения, - чудо,
Эту любовь невозможно унять.

Пусть будут ветры, дожди и цунами,
Землетрясения, град ледяной,
Я буду верить сквозь все ураганы
В эту любовь только рядом с тобой.

Я буду плыть в журавлиные стаи,
Имя твое буду в сердце хранить.
Большой любви невозможно представить,
Крепче, чем я, невозможно любить.

Если когда-нибудь завтра наступит,
Если когда-нибудь завтра придет,

Я буду верить, что все еще будет,
Что это все-таки произойдет.
Ты постучишься зарей в мои двери,
Летопись наша откроется в счет.
Завтра наступит. И я буду верить.
Счастлив лишь тот, кто любовью живет.

Я буду плыть в журавлиные стаи,
Имя твое буду в сердце хранить.
Большой любви невозможно представить,
Крепче, чем я, невозможно любить.

2008

1956

Юности внезапные порывы,
Радости отчаянная дрожь...
Как мы были молоды, наивны,
Как теряли то, что не вернешь.

Отзвенел звонок. И спали шоры.
И не в моде белый крепдешин.
В скуку трансформировались ссоры,
Не один давно, кто был один.

Как же мы любили, как мечтали,
Верили, что будет все у нас
Счастьем. Семимильными шагами
Как же мы немолоды сейчас.

2008

Английская мостовая

Мне нужно немного: лишь хлеба и веры,
Полпачки молочного «Упо»,
Очки, камуфляж плюс сандалии, береты
И сумочка с банковской суммой.

Мне кто-то подскажет, что – неврастения
И нужно лечиться. Под сорок
Пройдет все, наверное. Впрочем, отныне
Закладка в бумажный ворох.

Ремень несвободы браслетом на руки
Туда, где часам было место.
А души болят сильнее, чем люди,
Пусть без инвалидного кресла.

Керамика бед – знак в лечебную карту,
И Лондон – как будто с картинки.
Мне спелят глаза на фуражке кокарды,
И колются в сердце опилки.

Древесные кольца кленовых обрубков
Смолят свое время в надрезах.
И сыплется, сыплется синь незабудок
В прозрачность мелеющей Темзы.

2008

Партитура

Мои грезы, замешанные в секвенсере Марса,
Не умирали, никак не хотели сдаваться.
Ждали какого-то апрельского/майского часа,
Когда мне исполнялось трижды по двадцать.

А я пила водку с клюквенным соком (в баре),
Кальянный дым разбавляла глинтвейном.
Часть системы. The Matrix has you.
И в уши били динамики стерео.

Подшипники обид врезались в кожу,
Читала на память Евтушенко и Грина.
Ночь глубже озера Онежского
И реальнее, острее душной дневной были.

Плюшевый мишка на желтое сиденье машины,
В поиски смысла жизни философскими знаками
На согнутые, отвернутые немые спины.

А ты и забыл, когда я – в последний раз!
Плакала.

2008

Сохо

Весна стреляла зеленой глазурью почек.
Небо жмурилось в пятнах голубого акрила.
В руках, жестах стоял штампель «срочно».

Мы шли в аптеку покупать...

Витамины.

Брусничинами сока летела в утварь.
Всё! Всё было (верно ль?) не наше.
Только желание. Острое, сиюминутное.
До того, как наступали кати и машины.

Тональностью средств прожигали тело,
Лейблам очерчивая прихоть/похоть.
Физиология. Гомеопатическая система.
Черные кейсы в красные фонари Сохо.

Серьги неимоверно оттягивали уши,
Приколичавая к земле золотыми гвоздями.
Чужие, пустые, мертвые души
Обменивались при поцелуе своими частями.

Нужно ли?

Выход. Просто алгебраическое решение.
Промежуток восьмерки вычерчен косо.
И бесполезно (приятно) меняться постелями
Надоело уже.
И поздно.

Часы убивали кожаными ремнями.
Призывали крестонесущих дарить радость.
Бросали в микс с солнцеподобными огнями.

Потому что жить –
Надо.

Промолчу.

2008

Para Bellum

Метафизически ломалось сердце.
Рвались розовые кружева – ада
Не было. И негде было греться.
Трепетало двуцветье рваного стяга.

Призмы бились на двубитные грани.
Их было больше чем восемь, больше!
И в равнозначности не было также рая.
Причудливо ложились в домино кости.

Верность имела место и пределы,
Знак не стремился к бесконечности.
Глаза – грифельно белые-белые,
Подернутые поволокой вечности.

Вены вытекали с белой пудрой,
Смешивая плазму с белым азотом.
Кто сказал, что это было круто?
Умирать ничуть не страшно. И несложно.

Солнце давно не светит, миллиарды.
Оно – последствие химических реакций.
И от этого не холодно, не жарко,
Как от потока избитых инсинуаций.

Хочешь мира (напрасно!) – para bellum,
Ты лишь взглядишь в эти стальные лица!
В клубок скатались остатки нервов.
Только б нашлись силы... – умыться.

Простишь? Суицид в генах каждого.
Копоть осевшего призрака бундестага.

Переключишь, прочитав, на что-то важное.
Я – была и останусь.
Только бумагой.

2008

Квантро

Это сон. И глоток квантро.
Разбежался по венам кофе,
По душе, гутапперчиво рваной.

Я уйду, если ты
Просишь.

Я срывать с косяков двери
Не умела. Учиться - надо?
Кто из давних сказал: звери
Мы друг другу?

Я даже
Рада.

В пыль страницы и дымом в воздух
Не униженных, не оскорбленных.
Это, вроде, совсем. Просто!

Этот квантро такой...
Сонный...

Я проснусь. Прошечу в картинку
На четыреста пятом вздохе.
И прижмусь к батарее спинкой.

Я вернусь.
Если ты
Просишь.

2008

Знак бесконечности

Слезы во вред
Плазменной выгоде.
Снег в самолет.
Это ли виданно?
Это ли рок -
Падать в безумие.
Ты не сберег...

Медными пулями
Сердце насквозь -
Путь осциллографа.
Мой ли ты мой Бог?
Был ли ты Богом-то?

Ветер фонит
В плешь микрофонную.
Колом стоит
Пыль мегатонная.
Был ли ты мой?
Страстью бумажечной
Жизнь наперед.

Это мне кажется?
Это ведь сон?
Может, почудилось.
Maybe, one day*
Все-таки сбудется
Золото? Сыпь?
Кольца с бериллами?
Шепот и рок.
Милая - милому.

Тянет сосуд
Кровь хладагентную.
Ленты. И в путь!
Быль сантиментную
Кормит аванс
Цифрами, сроками.
Жить без тебя
Буду!
Но много ли?
Только б стерпеть
Время до вечера
И улететь...

В знак бесконечности.

2008

* Может, однажды (англ.)

Манеж

На цыпочках...
Манеж. Края подмости.
Перекрещенность стрел, переплетенье рук.
Со мной. Сейчас!
И только лишь срослось бы...
Мой милый, мой изменчивый
Не-друг...

От слов твоих горящих...
Ароматом
Лечу без игл страховочной лонжи
В твои ладони... Полу-мужа, полу-брата...
Я лишь прошу...
Ты только...
Удержи...

Пусть не-любовь.
И тем больней...
Мне в грудь опилки.
Запястья тянут эластичные бинты.
До слез несуществующих
Соринок
Люблю...
И все, что есть, - лишь
Только ты.

2008

Мортидо

Это просто. Ничком
Лечь...
Не думать, Инфантильно стареть
В утро. Суммы
Бесполезных дней
Собирая в кучу,
Организм седуксеном**
Долго мучить,
И дышать наубой
Резью хвои,
И сгибаться к земле
В схватке колик,
Обнажась до дыр
В импульс крика,
И в дефолт называть
Боль улыбкой,
Ожидая за ночь
Благость завтра,
Оградить рацион
Кашей вязкой,
Присмиреть, проглотить
Бром для сердца,
И пытаться прожить
Без. Инъекций
Мне не хватит, чтоб
Быть. Спокойной.
И ты думаешь, так -
Дальше... Стоит?

* - энергия разрушения, противоположная либидо

** - бензодиазепиновый транквилизатор

2008

Жара

Вертолетные площадки дымили в небо.
Пахло белой краской в миксе с серной пылью.
Зима напрямую прыгала-шагала в лето,
Все мечты перечеркивая былью.

Розовое алхимически превращалось в камни,
Пытая, тая двуное чудище.
Голой кожей сквозь неприкрытые ставни
Я ощущала, что-то - сбудется.

Случится. Может, позже, когда
Луна засветит рогом и задымит сигарета.
Такое всегда случается, без срока
Если зима превращается в лето.

И даже крем не спасет. Солнцезащитный
Загар не отбелить кашей клубничной.
И на все утешительное попытки
Отвечать: "Простите, это - личное..."

Если бы только уснуть, уснуть, ничего не помнить!
Грусть заедая тульскими пряниками.
Ты не злись, умоляю... Рома,
Это обострение. Жара.
И паника.

2008

Восприятие

Пусть так. Мне не будет лучше.
Цикличным полувозвратом
Ты был мне... немного другом...
Пускай... И немного – братом.

Лепились ладони в небо,
Без сна осязая воздух.
Сорваться в незнание мне бы...
Минута еще – и поздно!

А я полечу. Ты знаешь
Мое направление – вектор.
Тебе – полужест до рая
В моем полусне до бреда.

Просила тебя. Останься!
И стань на дыханье ближе.
Поверь, мне морозят пальцы
Листы проржавевшей крыши.

И это легко. Минута –
Банально. Несчастный случай.
Полет. И к тебе – как будто...
И, может, так станет лучше.

2008

Моменты

Не дай моей любви уйти,
Не дай стереть следы руками
На неисхоженном пути
До неизведанного нами.

Не дай разлукам слиться в быль
На счет несделанным безумствам.
Пол-мира на кон, только б был
Ты рядом. Вдох тысячеустный -

Хватило б сил, чтоб только ждать,
Чтоб знать и верить: будет встреча!
И вечность - днем - переживать
Моей любовью бесконечной.

Сюрреалистическое

А в подворотне жили кошки
Созданием брака, авторским гневом.
Вместо крестов - латунные ложки
Выстрелом в небо напалмом белым.

А в подворотне жили кошки,
Железными спицами целясь в спину.
Губы шептали, молили "Боже!",
Алость свою превращая в синий.

А в подворотне жили кошки
Где-то в цвет черепаховой масти.
Волосы, сны, обрывки кожи
Летели в жерло машинной снасти.

А в подворотне жили кошки.
Небо им заменяли блики
Окон. Импульс фонарной дрожи
Луны в перманентном прозрачном крике.

А в подворотне жили кошки.
К черту все истекали сроки!
Падала тень. И с ней - прохожий,
Влет превращаясь в одну их многих.

А в подворотне гибли кошки,
Душами целясь в сердце рая.
Падать и жить - не одно и тоже.
Только иначе и не бывает.

Цвет

Ты будешь меня любить?
В ожог моего плеча
Внезапным движеньем губ
Коснувшись так... Невзначай...

Ты будешь меня любить?
В полет от сомкнутых рук
Весь мир на двоих делить
Навечно... Случайно... Вдруг...

Ты будешь меня любить?
Чтоб я не смогла дышать
От счастья, что может быть...
Ведь порознь нам - нельзя!

Ты будешь меня любить?
Пройдем через все года?
Ты только... Не уходи.
Мы вместе. И навсегда.

Зеленый дом

Падали дни на израненый солнцем стилус,
Грифом царапая плюсы в зеленом доме,
Сданном в утиль победителю с рук на милость.
Сад по какой-то причине пах любовью.

Лет, может, пять, может, восемь (понять несложно!)
Август не тщился шагнуть напрямиком и - в осень.
Белое платье до пят в горошек,
Польский парфюм и заколки на русых косах.

Помнишь? Тот день оказался концом июля.
Своды гласили, насильно что мил не будешь.
Только надежда и молодость все ж рискуют...
А победителей, вроде, совсем не судят.

Горечь на вкус отдавала томатным соком,
Только дышать оказалось немного в тягость.
Кто бы сказал, кто б поверил, что так надолго
Шел за июлем наш неизбежный август...

Я буду любить тебя... Молча

Я буду любить тебя... Молча.
Я буду любить тебя... Ветром...
Я буду любить тебя... Очень!
Нежно... Пусть безответно...

Я буду любить тебя... Сильно.
И даже дышать... Тише.
Пусть это чуть-чуть... Наивно.
Ты только останься... Ближе...

Я буду любить тебя... Знаешь?
Я буду любить тебя... Свято.
Мне даже не нужно... Рая...
Ты только б остался... Рядом.

Я буду любить тебя... Сладко...
Мне это ничуть... Несложно!
И, если совсем кратко...
Я буду любить тебя... Можно?

Кома

За стеклом рассыпается пудра
Нарочито подпорченной гнилью.
Это кома... дышать трудно
В темных внутренностях автомобиля.

Еще месяц назад - пела!
На шоссе не считала зебры.
Надоело мне быть... Белой.
Я останусь-ка лучше... Стервой

Однозначной живучестью циний,
Блеском масок в тон и основу.
И зачем подбивать клинья
Под болезни, что лечатся колом?

А когда умирают чувства,
После них остается... Нежность,
Заполняя пространство. Нужно
Смыть лицо, чтобы казаться свежей...

На плечах, обнаженных боком,
Перманентный рисунок лилий.
Это кома... И пара вдохов
В темных внутренностях автомобиля.

Pret-A-Porter

В год на одно стало больше в коллекции pret-a-porter*
Платьев, надетых на голое тело, и кружев,
Снятых поспешно в промокнувшем плиточном душе.
Или в промокшей и стянутой лозой душе.

Блеском искусственных губы ложатся на шелк,
Вскользь отражаясь на фотогеничном атласе.
Сдачи не надо... Пусть милость останется в кассе.
Мира не надо... Ты только бы ночью пришел.

Розы. Конфеты. Подвязки. Будильник. Десерт.
(Это со мной?) Да и небо в кокосовых стружках.
Звезды ведь дарят... Так это кому-нибудь нужно?
Только впечатавшись в хмурый истертый памфлет...

Где твоя искренность? В пенке засохших корост...
Нет единения, нет ни намека на близость.
Аминазин... Мне бы как-нибудь (как-нибудь!) выжить
Только устойчиво бьется по венам: "Adios"...

* - готовое платье

** - нейролептик с сильным седативным эффектом

*** - прощай (исп.)

Арлекинад

Моя нечаянная радость,
Моя несбыточная грусть,
Беспола роль арлекинады,
И беззаботно я смеюсь.
Моей рисованной улыбке
Предтечи клоунский наряд.
В моей петлице - ромб гвоздики.
Ты будешь, верно, очень рад.
Да только, кофе поглощенный,
Ты будешь очень, очень слеп.
Имбирный взгляд в тебя влюбленной
Ты не заметишь средь калек,
Идущих "фас" под звон копеек
На бренды, моды, кошельки
И дежавю на парегирик
По мановению руки.

И круг по кругу, год за годом
Собой я буду всех смешить.
Тебе лишь все - как с гУся воду...

Тебе не суждено любить.

Вся моя любовь

Лишь не злись.
Моя любовь - очень странная,
А беда-то ведь в том:
Она - беспримерная.
Кровоточит и горит
Раной рваную,
Без наручников, кнутов -
Очень верная.

А любовь моя...
Она – непутевая.
И никак ведь по краям
Не уляжется.
Рассмеяться и забыть –
Дело плевое
Да вот только малым
Мне не покажется

Вся любовь моя,
Навек – беспредельная.
Не бывать моей любви
Шибко умною.
Но она, поверь, мой свет,
Неподдельная.
Оттого она такая –
Безумная.

Лиметто

Зарядили косые дожди
В предпоследнюю солнечность лета.
Переделать бы календари!
Пересечься б с тобою... где-то
С чьей-то легкой и доброй руки
За фужером льняного лиметто.

По абсциссам расходимся в такт,
Умещаю в формат а-четыре
Описание утерянных благ,
От которых страдали донине...
И на горке салфетных бумаг
Я вслепую пишу твое имя.

Мы растянемся – может, на год.
Может, больше. До даты приема
В одиночку прожитых невзгод
И до самого главного слова –
Ты исчезнешь. И это пройдет.
Даже годы берутся измором.

За фривольной символикой душ,
За махровой живучестью сердца
В перемены поземочных стуж
Только б силы нашлись наконец-то,
Чтобы верить, что ты не уйдешь...
И любовью твоею согреться...

Крестики-нолики

Падают звезды.
Воля отключена.
Накрест вопросы!
Случаем к случаю
Стянуты вместе –
Грозами, тучами
Пики и крести –
Наспех отлучены.
В нос сигаретный
Запах ментоловый.
Сласть амаретто.
Вызов. И скорая.
Страсть без ответа.
Струйки тягучие
Вектором в небо.
К худшему? К лучшему?
Сила забвения.
Запах без промаха.
Стоп. И волнение.
Выдох. И скорая.
Может? И сбудется
Спайка, что душами
Сразу – и всюду,
Разом – и нужными.
Так, что нужнее
Быть не получится.
Отдохновение.
Прихоти случая.

Клубничный чай

Пью холодный клубничный чай.
И сентябрь замеряю кругом.
Так случается. Невзначай.
И любовь переходит в скуку.

Надоело ценить добро.
В этих лаковых туфлях тесно.
Неужели нам повезло,
Что вдвоем не остались – вместе?

На закуску – кровавый стейк.
Виски-кола. Ремень в упряжку.
Цветомузыка. Память. Шейк.
Так была ль любовь настоящей?

Пью холодный клубничный чай.
И тонометр слушаю стуком.
Так случается. Просто жаль...
Что мы порознь – друг без друга.

Выстрел

Очерчен оскал. Улыбок и вин – проекций
Ты долго искал
Во мне повторенье терций,
Звучавших в тебе, игравших в тебе
Фугой,
Я рядом была, я покорно звалась
Другом.
Разложишь. Анализ готов. И черта –
Минус.
Два дня – идеал. Ты бы долго со мной
Вынес?
Не стал бы искать, вертеть мои сумки
Днами.
Да я не курю! Ты иди и жалуйся
Мама.
Меня посчитай и вгони в жесткие
Сметы.
Мне рядом с тобой и зима становилась
Летом.
Я долго бежала, за мальчиком с дудочкой -
Крысы.
Острее кинжала, любовь обратилась
В выстрел.
Любовь размножалась, носила в себе
Споры.
В финале осталось одно только слово –
Over.

Так, кажется, станет легче

Так, кажется, станет легче...
Мне писем твоих не ждать.
Любовью земною, грешной
Твоим отраженьем стать,

Любовью небесной, святой
Запомнить твои духи.
За чаем с цветами мяты
Тебе воспевать стихи.

Да только... так будет легче
Тебя никогда не ждать.
Ты светло и безмятежно
Душой смог моею стать.

Покоя просить не смеешь...
Любовь невозможно скрыть!
Ни ту, что нельзя доверить.
Ни ту, что нельзя убить.

Пока дышу

Dum spiro, spero
(лат. Пока дышу - надеюсь)

Я не люблю свет. Вернее было бы сказать, что я не люблю яркий свет, и ничего уж тут не поделать с моими щурящимися и слезящимися глазами, когда я смотрю на источник непривычного и нестерпимого для моих очей излучения. Даже на многих фотографиях я жмурюсь, и поэтому предпочитаю делать только те снимки, на которых я в очках, – специальных защитных (я работаю на стройке), стильных имиджевых или просто любимых коричневых “Parim”, купленных совершенно случайно к новому итальянскому плащiku. Прозаично, но даже при плотно закрытых жалюзях шторы в моей комнате всегда задернуты и максимально опущены до пола, чтобы, не дай Бог, мои нежные глазки не пострадали от непрошенного вторжения солнечного тепла.

Вместе с тем нельзя сказать, что я люблю темноту. Скорее всего, мне больше импонирует полумрак, загадочный, манящий... обещающий. А уж брать от жизни то, что она дает, или застенчиво отказывать, стыдливо пряча руки за спину, - тут даже вопрос не стоит. Ибо – брать. Стучитесь, и откроется вам, а если не откроется, так попробуйте другой ключик. Вдруг поможет.

Мне уже изрядно надоело биться своей упрямой головой в двери Вика, надеясь на ее скорое открытие и его внезапное прозрение. Не выходило уже который раз... и который год – восьмой по счету, никак не меньше. Но что тут поделать? Мириться с тем, что дают, не пытаюсь изменить ситуацию в свою пользу, - это не про меня, и я продолжала оставаться рядом с ним сначала одноклассницей, потом однокурсницей, затем подругой, в дальше вообще непонятно кем – леди X, только для того, чтобы иметь возможность экстренно прийти к нему на помощь без звонков и просьб, выслушивать его в минуты внезапного доверия ко мне и периодически слышать его голос где-то между двенадцатью и часом, с непередаваемой интонацией и смехом произносивший: «Спишь?» Сама же я в это время считала часы до его звонков, бродила по бутикам,

прикидывая, пошла бы ему приглянувшаяся мне рубашка, писала стихи на случайных листочках и наполовину законченных блокнотах, на всякий пожарный хранившихся в каждой из моих сумочек... и плакала от бессилия и непереживаемого желания бросить все и позвонить в его дверь. Заканчивалось все традиционно тем, что я покупала рубашки, брала двести грамм кокосовых печений и все-таки шла к нему, чтобы в очередной раз он прямо или косвенно бросил мне лицо: «Мы никто друг другу... У нас нет любви. Прошу тебя, не показывай своих чувств при мне». И я, глотая слезы унижения и растерянности, пыталась выполнять его просьбу, что давалось мне с огромным трудом, – все наши друзья и родственники просто мечтали увидеть нас обменивающимися кольцами и не упустили случая, чтобы как бы невзначай не напомнить об этом, а мне в голову лезли непрошенные воспоминания: Вик и я играем на пианино в четыре руки, он готовит мне кофе в чашке с надписью «Только ты», его руки перебирают мои кудряшки и он словно в горячечном бреде шепчет мне даже не в ухо, а куда-то ниже: «Что ты со мной делаешь?» Потом его губы на моих плечах, трепетные и осторожные, наполовину спущенный с кровати вязаный плед, безумный взгляд Вика, проецирующийся прямо в мои зрачки, расширенные от избытка рвущихся изнутри ощущений, стон в закушенный кончик подушки, чтобы соседи не услышали, и – логичное и вежливое до холодеющих пальчиков на ногах предложение принять душ. Все до одинаковости испытанное и непривыкаемо больное: как неп14400ривычно слышать после «Я хочу открываться одной тебе» законное продолжение «Не лезь ко мне в душу». Игра? Может быть. Подлость? Еще вернее. Любовь? Сказочно, но... да! Иначе чем бы я могла объяснить года непереставаемого ожидания Вика и прощения всех его глупых выходов, девушек и сознательного и бессознательного приближения и отталкивания меня? Наши отношения развивались неперидической синусоидой, но человеку свойственно стремление к Прекрасному и вера в Лучшее – и я ждала. Ждала, что Вик в конечном итоге осознает, что я – единственно Его и прекратит обращаться со мной как с шариком на резиновой веревочке. Банально и просто, как цветаевское «мальчик смеется, а девочка плачет». Но сидеть, образно сложив руки я не собиралась, я использовала все шансы, чтобы быть с Виком, и мне плевать было на мнения и сплетни окружающих, на нарушения пуританских

норм нравственности и морали – моя гордость не была попорана мной же и сломана боязнью Вика приблизить меня к себе, я поступала так, как считала единственно правильным, а это правильное было - быть с ним изо всех сил и возможностей, а дальше действовал принцип мадам де Помпадур – хоть трава не расти. Кто посмеет упрекнуть любящую женщину в несдержанности? Да и для влюбленных запретов нет. Кто и что бы там не говорил. Даже Вик. Мне самой виднее. Хотя по ночам были вдавненные всхлипы в подушку и мечты о нормальном девчачьем счастье, без заморочек эгоистичных и излишне самоуверенных индивидуумов, таких жестоких и таких... родных. Рыдания прекращались беспощадным «Бог не дает нам превыше наших сил, значит, я все выдержу», и наутро я вновь сияла и шла мелироваться темным каштаном – надо быть на уровне. Друг – другом, конечно, но с чего-то же должно все начинаться, вот пусть и видит во мне хоть и друга, но ярко выраженного по гендерному признаку. Я – женщина, и это никто не оспорит.

Я не люблю свет. Полумрак гостиничного номера прерывался струей света из ванной комнаты, по запарке оставленной Виком полузакрытой. Я впервые была с ним так поздно, хотя нет... прошлый Новый год мы встречали вместе и сидели за метр друг от друга, боясь никак незапланированных прикосновений и поцелуев – за соседней стенкой спали его родители. Но все же в таком смысле мы были вместе в первый раз. Полтора часа назад предметом первостепенной важности было куда же мы поедем – все-таки мой день рожденья, на который, кажется, мечты должны сбываться, но... ехать никуда не хотелось, потому что Вик был рядом, а, если и оставались какие-то желания из категории «сверх», то лишь чтобы ночь не заканчивалась и он был со мной. Близко. Так, чтобы ближе было некуда.

Конечно, атмосферу аэропортовской гостиницы с большой натяжкой можно было назвать романтической, к тому же жутко мешало чувство стыда, когда я проходила мимо пожилой вахтерши, с понимающей улыбкой протягивающей нам одеяла. Но безумные поступки – вообще мое амплуа, к тому же «Лови момент» Вика, и, как результат, - мои пальчики в его крепко сжимающих ладонях, ставшее ненужным одеяло, сползающее на пол, крики

в подушку и зашедшийся в безумной пляске потолок под нами... или над нами? Ставшее реальным несколькоминутное недышание, а потом...

В душ я не пошла. Вик плескался минут десять, потом вернулся в комнату, натянул одеяло на мои озябшие пятки и лег рядом. Я еще повертелась немного и устроилась на его груди.

- Не тяжело?

- Смешная... Ты не тяжелее крестика, все нормально. Не замерзла?

- Неа.

- Смотри, а то давай я второе одеяло возьму.

- Вик, я хорошо, честно, не беспокойся.

Я начала прислушиваться к запахам комнаты. Такой типичный советский номер, правда, очень чистенький и аккуратно убранный.

- Алесь?

- А?

- Я хотел тебе сказать, что...

- Вик, не надо, - оборвала я его. – Все нормально, не говори ничего.

- Нет, Алесь, ты послушай. Между нами ведь нет никакой любви, это было просто...

Я приподнялась на локте и посмотрела на него. Родной.

- Я все знаю, Вик. Не надо объяснений.

- Просто я хочу, чтобы ты знала, сегодня это есть, а завтра нет.

(Неужели может быть – Завтра?)

- То есть, я хотел сказать, что завтра этого может и не быть. Пойми.

Да что там говорить, я все понимала. Хоть от этого никак и не становилось легче. Я не сторонница горизонтальных отношений, но, если это все, что я могу иметь, – я не откажусь. И даже не стану мириться с этим. Потому что если есть начало, то есть и продолжение (просто хочется в это верить). Моя упертость сделала бы честь даже секвойе – самому непробиваемому дереву в растительном мире. А я больше, чем даже человек, я любящая женщина, и мне все можно.

И даже слезы на голые локти.

Я не люблю свет. Как хорошо, что он это понимает. Нет, я отнюдь не в восторге от того, что регулярно приходится пополнять запасы «Чистой

слезы» в домашней аптечке, но больными глазками страдаем мы - оба. И тентовые шторы опущены до пола, хотя жалюзи предусмотрительно закрыты. Так что записываю удачную фразу для окончания стихотворения почти в полной темноте. Конечно, какой-то отсвет дает атлас натянутого на согнутые колени одеяла, но – мысль прерывается, и я практически сразу нахожу причину – тяжело писать, когда за спиной тянется сонное посапывание Вика. Хотя я, конечно, не в обиде, стихотворение вполне может подождать до утра, тем более что пишу я, кажется, на одном из контрактов Вика. Ничего, завтра распечатаю еще раз, не думаю, что он ощутимо рассердится. Поворачиваюсь к окну спиной и опускаю голову Виду на грудь.

Верьте – и воздастся вам!

2007

Не мои проблемы (айтишный креатив)

Не, ну, меня реально не вставляет мнение, что детям – мороженое, бабе – цветы, а, pardon, обладателям пары штопаных (в лучшем случае) носок и пивного животика в перспективе - роль покорителя Вселенной, Мастера на все конечности и в, довесок, обеспечителя по части МТО тех же самых детей и баб, которым уже подтаявшее до жидкого состояния мороженое мессиво и зачумленные гвоздики далеко до обдолбанной лампочки.

Так вот. Если кратко, то означенная выше мысль должна выражаться так – даешь эмансипацию, права оранжевой партии и плоскогубцы в руки, дабы не ждать помощи от Сильных мира сего, а самой взять стамеску прямо в наманикюренные пальчики и зафигачить какую-нибудь хрень. Это пакостливое и зло-намышленное действие направлено на то, чтобы противоположный пол долго и мучительно соображал, а что же это, собсно такое, и как ликвидировать последствия ужасающего мозгового штурма, по балльной системе урагана «Я сам приготовлю ужин, дорогая!» равного отметке где-то в районе двенадцати с половиной.

Ну, а если быть еще точнее, то что только не приходится осваивать на своем нелегком трудовом поприще сотруднику отдела Технических-и-тому-подобных-переводов, то есть замученному отнюдь не нарзаном аффтору сего потрясающего перла. Да, тяжелы будни рабочего класса, впахивающегося во благо развития капиталических отношений и всемирного прогресса в области обеспечения всех желающих бесплатной дозой холестерина в непенящемся и непригорающем масле.

Так вот, не далее, как вчера, я решила применить свои знания информационных технологий и самой установить компьютер, ранее благополучно доставленный на место постоянного пребывания заботливыми сотрудниками. Можно было, конечно, подождать айти-ясных-солнышек, но... руки мастера просили творческих исканий и, закатав джинсы до уровня пятой полоски на шерстяных гетрах, я полезла под письменный стол. Ибо, как показывает опыт, без подключения компьютера к источнику питания работать он будет в таком незаметном для глаз человека режиме, что обнаружить это практически невозможно.

Благополучно подоткнув все проводки в соответствующие дырочки (в своем кругу мы обычно называем их «порты», но при мальчиках выражаемся цивилизно, чтоб не задеть их нежное и глубоко ранимое эго), я попыталась залогиниться в систему. Но, экскузе муа, система стала гнать понты и материться на международном языке, применяющемся для посылки удостоившейся особы в известном интимном направлении. Индикатор сетевого порта на системном блоке, выражаясь чистым русским, проявлял активность упившегося в доску скинхеда и напрочь отказывался подмигивать зеленым глазком. Иными словами говоря, сетевая розетка была неактивирована. Оставался лишь один вариант – собраться с силами, мыслями и ключами и направить свои стопы в комрум, где и находился объект, тщательно охраняемый всеми айтишными силами проекта. Он носил гордое название «Свитч» (не путать с «Матрицей», наш свитч был брюнетом, имел прозрачную дверцу и множество разноцветных проводков, весьма украшавших его мужественную внутренность). К несчастью, именно на тот момент незанятых проводов в наличии не наблюдалось, и успех моего предприятия оказался под серьезной угрозой. Где-то с полчаса я тренировала свои спринтерские навыки в поисках подходящего сетевого кабеля, под конец откопав его в собственном же шкафу. Казалось бы, что мешает свершению благоприятного исхода дела, но не тут-то было. Мой рост полтора метра с забранными на макушке кудрями явно не брался в расчет проектировщиками свитча. Так что достать до верхних гнезд было почти что невозможно физически. Но гений разума восторжествовал: я притащила деревянную скамеечку и, рикую огрести по шее ее же ножками при падении, полезла к святой святых мерно жужжащей машины. Несколько точных поступательных движений – и, о чудо, это свершилось! Проводок вошел как по растопленному любимому блюду людей хохляцкого образа жизни, но... коннекта не было. Индикатор явно не хотел, чтобы его сон был обеспокоен столь непрошенным вторжением. Выразившись чисто по русскому-народному, блатному хороводному, я в очередной раз сверила номера ячеек, и, не найдя причин «незаконнекчивания», потопала в офис, где с миром покоилась злосчастная машина. Странное дело, но даже после активации розетки сетевой индикатор на системном блоке все еще не подавал признаков жизни. «Сцуко, падла!» - подумалось мне в очередной

раз, когда проходившие мимо коллеги созерцали мои торчащие из-под стола ноги. Так и не найдя причин несрабатывания подключения и промотавшись раз пять из офиса в комрум и обратно, я все же попыталась проверить коннект мануально. Это выразилось в том, что я снова взмогдилась на табуретку и полезла осматривать гнездо. На этот раз гений Билли Гейтса все же посетил мою буйную головушку, затуманенную пятью литрами кофе, выпиваемыми каждый день, и я просто покрепче воткнула кабель. По закону жанра я должна была звездануться со скамейки и покорно ждать пришествия айти, но, по всей видимости, свитчи не обладают жанровыми особенностями – коннект случился! Не веря своим глазам, я буквально офигела от такого внеземного счастья. Зато далее все развивалось в неизбежном ключе логической событийности. В то время, как я, скромно потупив глазки от гордости в сразу выросшей до третьего размера груди, докладывала обстановку начальнику отдела айти, произошло (ай-ай-ай!) нечто очень нехорошее. Выходило так, что моя добрая инициатива не заслуживала ничего, кроме жесточайшего порицания «низззя!» и вполне конкретного предложения не лезть не свои дела. (Вот тут-то и вспомнилось: «Твое место на кухне, женщина!») Оскорбленная в лучших чувствах, но не сломленная духом, я зашла в кофе-рум, сделала себе допинговый залив еще пары литров зверски крепкого кофе и вернулась к прерванному неудачной вылазкой переводу. За соседней стенкой коллеги отправляли друг другу рассылки по локальной сети. Эх, ну, и угораздило же меня лезть в непредписываемый гендерной политикой экшн!

На следующее утро пред моим взором предстал хлипкий субъект мужского пола с просьбой настроить его компьютер и законнектить в сеть.

- Нет уж! – не выдержала душа поэта, выражаясь в сторону нецензурным описанием всех железок на свете и компьютеров в частности. Я с психу затушила сигарету, едва на словах трехсантиметровый ноготь. – Это не мои проблемы! Звоните в айти!

2007

Мадлен

Quamquam in fundis inferiorum sumus, oculos angelorum tenebrimus.
(Пусть пребываем мы на дне Ада, но видим мы глазами ангелов. – лат.)

Двадцать пятое. Дата, фатальная для моей семьи. Отметила собой большинство смертей моих родственников. Даже при моей избирательно отторгающей негативное памяти не могли не оставить горчащего привкуса поминальной кутьи все те юнии, октябри, апрели, августы и декабри разных лет. С завидной периодичностью множились металлические пластины на мраморных мемориалах семейного участка на городском кладбище – цикл начинался, длился и обрывался автоматически. Может, именно поэтому я в подобных... случаях не терялась, а механически точно и выверенно организовывала и транспорт, и отпевание, и поминки, которые традиционно мы проводили в кафе – никогда не забуду затоптанный пол кухни после похорон моей бабушки и маму, со слезами размазывающую грязь невыжатой половой тряпкой. Тогда я молча сжала губы, увела маму в комнату, и с тех пор никто больше не видел, как я плакала с черным кружевом в волосах. Только вот почему в этих лайкровых колготках и сером обтягивающем джемпере я похожа на большую раненую птицу? Почему на мне не надета юбка и я сижу перед зеркалом, обхватив колени и бессмысленно подпеваю в «Бесконечность» Земфиры? Наверное, что-то случилось... То, из-за чего я вылила на себя полфлакона «Home Egoist» и со слезами внюхиваюсь в запястья... Что-то нехорошее. Очень. Я вспомнила.

От меня ушел муж.

Вчера его похоронили.

Владилен спал очень спокойно. При моем невыдержанном характере я могла растолкать его, даже если он громко дышал, тем самым мешая мне уснуть, но Владик редко доставлял мне подобные беспокойства. Я часто просыпалась и смотрела на него в темноте, разглядывая морщинки на лице – скорее, мимические, чем возрастные – и старалась впитать в себя как можно больше его. Звучит странно, наверное, но его отсутствие

причиняло мне почти физическую боль, и я, словно вампир, заучивала каждый его взгляд, жест, поворот головы, манеру улыбаться – иронично и немного насмешливо. Я помнила наизусть все наши встречи, все его слова, сказанные в мой адрес, по памяти могла воссоздать даже его запах. Да что и говорить, я была влюблена безумно. Влад был для меня большим, чем я могла это осознать.

Я переставила будильник на полчаса раньше и снова легла, машинально обняв Влада за шею.

Обстоятельства нашего знакомства никогда не казались мне тривиальными. Я собирала материал по вопросам финансирования НИИ в российской глубинке, когда, в одной из служебных командировок попала в лабораторию термодинамических процессов, возглавляемую давним моим интернетовским знакомым. Пал Саныч, назовем его так, регулярно снабжал меня парочкой неприлично скандальных материалов, которые, при необходимости, раздувались до вполне приличного журналистского расследования. Ну, и как следствие, довольно внушительного заработка. Это ведь только у Чехова «Краткость – сестра таланта», у нас же она – враг гонорара. И вот, в пылу моего интервью с Пал Санычем, длившемся уже более трех часов, на моем диктофоне села батарейка. Пришлось справляться старыми бабушкиными методами, а именно, ручкой и блокнотиком, с которыми я никогда не расставалась, мало ли что... Однако, когда я оторвалась от окуляров, чтобы, наконец, записать выводы Пал Саныча о роли энтропии во втором законе термодинамике, ручка моя, пардон, чудесным образом дематериализовалась. То есть, попросту говоря, в поле моего зрения находилось все, что угодно, но только не жизненно необходимая мне и моему непогашенному кредиту пластмассовая штучка. Естественно, я оторвалась на ближайшем сотруднике Пал Саныча, который настраивал генератор магнитных полей и минуты две смотрел на меня, просто улыбаясь и не говоря ни слова. Потом вынул из нагрудного халата обыкновенную авторучку и так же молча протянул ее мне. Разумеется, мне стало неловко от такого проявления моей бестактности, и по окончании интервью я пригласила Владилена на чашечку кофе и пару бубликов в околоинститутском кафе, гордо именуемом комнатой психологической

разгрузки. «Чашечка кофе» плавно переросла в совместный завтрак и жуткий нагоняй от шеф-редактора за безбожно затянутый материал. Следующий Новый год мы встречали вместе в моей московской квартире.

Да уж, радости от этого пробуждения я не испытывала. Более того, с мазохистским удовольствием натянув гетры и запахнувшись в полы розового махрового халата, я побрела на кухню ставить кофе. Владилен абсолютно не признавал растворимые разновидности этого напитка, и мне приходилось вставать на пятнадцать минут раньше, чтобы к его пробуждению кофе был уже готов. Это была традиция, и за все три года нашего брака я еще ни разу ее не нарушила.

Привычку пить настоящий молотый кофе Владилен привил мне еще в период ни к чему не обязывающего знакомства. Я наизусть выучила все сорта, которые он любил, и, как одержимая, кидалась на все кофейные новинки, появляющиеся в супермаркетах и магазинчиках на пути моей погони за очередными строчками в номер. Нашим любимым местом в городе, где мы обычно встречались по вечерам, была маленькая кофейня «Мадлен», уютившаяся как раз за углом по улице, где располагалось трехэтажное здание моей редакции. Впрочем, кажущаяся незначительность «Мадлена» была обманчивой – народ собирался здесь исключительно избирательный и, в основном, творческий. В общем, половину завсегда я знала, а с половиной знакомилась позднее ввиду специфики работы, просто обязывающей выискивать очередных героев для инициированных сенсаций. Владу же кофейня нравилась за исключительно простой интерьер и на самом деле вкусный капучино. Как раз такой, какой я готовила для него каждое утро.

- Я не слышал, как ты вчера легла, Камил. А я сам чертил до часу, - спокойно заметил Владилен, выкладывая нарезанные ломтики сыра на хрустальную подставку. – Долго сидела?

Надо же, даже время засекает. Физик, что тут поделаешь.

- Нет, минут сорок, наверное. Сам знаешь, когда вдохновение упадет, от него не отобьешься, - отшутилась я. На самом же деле вдохновением и не пахло, и я никак не могла додумать название статьи для завтрашнего номера. Сроки не просто поджимали, а буквально верещали

над ухом эсэмэсками от шефа, грозившегося снять премиальные за срочность материала. Он опаздывал уже на двое суток, что, в масштабе ежедневника, было абсолютно недопустимым.

- ... тебя устроит? – случайно умудрилась поймать конец фразы Влада.

- Прости? – дернулась я и едва не пролила кофе.

- Я говорил тебе, соня, что заеду за тобой в обед, будь готова к двенадцати.

- Я постараюсь, - вздохнула я. – Очень. Сам же знаешь, у меня статья горит. Надо в край ее доделать. И двух бабулек сегодня снять. Раньше часу никак не управлюсь.

- Хорошо, - скептически хмыкнув, отозвался Влад. – Ты позвони, как освободишься, я приеду.

Он накинул черное полупальто и поцеловал меня в макушку.

- Я убежал, Камил, пора. Удачи, сонц.

Я помахала ему рукой, допивая кофе, и услышала, как в прихожей щелкнул замок. Ушел. Сейчас бы обратно в кровать... Я зашла в спальню и вытащила из шифоньера обтягивающий серый джемпер – сегодня тепло, вполне можно обойтись им и плащом. Вот только юбку бы еще подобрать к нему... Я подошла к зеркалу как была, в джемпере и колготках, прикидывая черную кожаную юбку, как вдруг что-то меня стукнуло. Так же, в том же виде я сидела в прихожей и плакала, потому что мой муж умер. Авария. Сочувствующие глаза мамы и разлитый по стенам «Home Egoist». Я вспомнила. Не может быть. Это просто не может произойти с Владом.

Всю неделю меня не отпускало навязчивое чувство дежавю. Я словно наяву видела детали похорон, свое серое лицо с нулевым – выплаканным – макияжем, неискренние дежурные соболезнования проигрышем на фоне ритмичного постукивания в висках «нет... его нет...» Странность видений заключалась еще и в том, что они были отрывочными - настоящее вперемежку с будущим, причем настоящее именно мое, реальное, происходящее. Дежавю не было для меня чем-то экстраординарным, оно случалось у меня раза два-три в месяц. Потом синдром дереализации стусевывался, выскакивая, как чертик из коробочки,

именно тогда, когда я меньше всего ожидала его повторения – пожалуй, наиболее точное слово для обозначения этого феномена. Случались у меня и двойные дежавю; в таких случаях я точно помнила или знала, что переживала ощущаемое дважды. Слишком сильно я не заморачивалась по этому поводу, способности к дежавю передавались у нас в семье по женской линии и были вполне нормальным явлением. Уже гораздо позже, во время учебы в институте я прочитала заключения одного психотерапевта о том, что дежавю – это серьезное отклонение в работе головного мозга, потенциально вызывающее развитие шизофрении. Дисфункция синхронной обработки информации правым и левым полушариями приводила, по мнению врача, к некорректному воспроизведению уже записанных данных, что, в свою очередь, и обозначалось термином дежавю. Согласно теории дуализма существовал и синдром жамевю – ощущение никогда не виденного, ведь, если можно вспомнить прошлое, то, при наличии определенных усилий можно считать информационное поле планеты и вспомнить... будущее?

Дежавю толковалось неоднозначно. Это могло быть признаком закономерности и правильности действий, либо своего рода предупреждением о грядущем. Одно из объяснений, которое я услышала, еще будучи школьницей, утверждало, что, когда мы очень стараемся забыть какой-либо промежуток времени (день, к примеру), мы тратим очень много энергии, и, даже если нам это и удастся, некоторые моменты произвольно всплывают в памяти. Это неподконтрольное узнавание себя в аналогичных ситуациях. Лично я была склонна воспринимать дежавю как память прошлых жизней и благополучно забывала о них сразу по их истечении. Но только до тех пор, пока дежавю не случилось с Владом. И я отчаянно старалась прокрутить события назад, сложить стекляшки калейдоскопа вместе и вспомнить обстоятельства, предшествующие его гибели.

Разумеется, Владилен ничего не знал о причинах моей рассеянности. Он списывал это на загруженность работой, мой уход «в себя», когда я писала, и, даже если я и рассказала бы ему о мучавших меня страхах, он бы просто не воспринял это всерьез. В противоположность мне, Влад списывал все причинно-следственные явления только на события

точного характера, а к моим увлечениям вроде составления психоматриц (основы нумерологического анализа) относился как к легкой забаве. Хотя и не мешал мне этим заниматься. Единственное, как бы отреагировал Влад, - он бы настоял на срочном отпуске и отъезде куда-нибудь в Крым, чтобы теплый морской воздух выветрил мрачные мысли, которыми я до ненужности забивала свою «очаровательную головку». Наш брак был из разряда тех, что называют благополучными, хотя ссоры временами случались. Пару раз мы были близки к тому, чтобы разъехаться по разным квартирам – слишком сложно нам было уживаться с такими разными характерами, тем более с настоящими скорпионьими привычками Влада. Это ведь только в физике противоположности притягиваются, а для совместной жизни нужно даже большее, чем банальное совпадение характеров, но по какой-то непостижимой причине мы оставались вместе. «Судьба, наверное», - размышляла я, а Влад, как обычно не дослушав, легонько начинал покусывать меня за мочку уха, и у меня пропадало всякое желание разговаривать с ним на эту тему. Да и разговаривать вообще. Потому что одной рукой он придерживал меня за талию, а другой пытался стянуть с меня свитер. Этим и заканчивались наши ссоры. Сны и короткие образы, вспыхивающие в моем сознании, неумолимо превращали все происходящее в сюрреалистичные картинки. Бред. Я бы тоже так подумала, если бы это не происходило со мной. Вместе с тем мне стало до асфиксии не хватать Влада, я боролась с желанием позвонить ему и убедиться в том, что он еще... рядом. Так сильно любить нельзя, как-то сказала мне мама, самое дорогое неизбежно отнимают, если его выделять над всем остальным. Но тут была не просто банальная привязанность. Я чуть ли не в буквальном смысле сходила с ума, пытаюсь понять причины дежавю, не отпускаявшего меня так долго – минуты не шли ни в какое сравнение с часами, когда я видела Влада с погребальной лентой на голове, а на настенном календарике красными кружочками были обведены две даты с примечаниями «9» и «40». Я сидела перед зеркалом, заплаканная и неодетая, будто в вате, и физически ощущала, как мне не хватает остроты в дыхании Влада, миллиметрового расстояния между нами, силы притяжения, схватывающей капли вниз, колебания мышц волнового, продольного и поперечного, тахикардии, тонкости волос, впивающихся в

пальцы... Я бы не задумываясь оказалась на его месте, чтобы поменяться с ним ролями, но чужую судьбу на себя не примеришь, даже если это судьба самого дорогого человека. Антидепрессанты не помогали, а обращаться к врачу я не хотела и боялась. Событийность дежавю разворачивалась по отдельным кадрам. В них появились незнакомые люди.

Я вспомнила. Все случилось в «Мадлене».

Влад ждал меня уже около полчаса на стоянке возле редакции. В здании оставались только дежурные редактора и ответ-секретари; все остальные уже разошлись по домам. Я дописывала срочный материал о городских спортсменах, несших олимпийский огонь, - интервью было эксклюзивным и должно было выйти в завтрашнем номере минимум на сутки раньше до того, как аналогичные статьи появятся в других изданиях. Поэтому последние часы были особенно дороги – нужно было успеть до редактирования сверстанного макета газеты, и у меня совершенно вылетело из головы, что мы с Владом договорились поужинать в «Мадлене» после работы. Я вспомнила об этом, когда до встречи оставалось десять минут, и я элементарно не укладывалась в сроки, ни чтобы добежать до кофейни, ни, уж тем более, доработать статью. Вот поэтому Влад и ждал меня внизу. С облегчением кинув по сетке готовый материал верстальщикам, я наспех накинула плащ, и, даже не застегнув его, побежала вниз по широкой лестнице, цепляясь за мраморные шары на перилах. Обычно я всегда так делала, но сейчас почему-то возникло ощущение повторности происходящего. Я нагнулась поправить молнию на сапоге и вдруг... Поворот за угол... Неоновые вывески «Мадлена»... Эксцентричного вида подросток на массивном «Харлее», с размаху вписывающийся в правую переднюю дверь нашей машины... Тоненькая струйка крови на моем джемпере... Влад, насмешливо улыбающийся разбитыми губами... И я точно знаю, что больше он так улыбаться не будет...

Я каблучком соскользнула со ступеньки и, последнее, что мелькнуло перед моими глазами – испуганное лицо пожилой вахтерши, кричащей что-то неразборчивое.

Никогда бы не подумала, что Влад может плакать. Или краснота его глаз объяснялась хроническим недосыпанием – он не спал несколько ночей, пока меня не перевели из реанимации в палату, где мне предстояло пролежать еще несколько недель после серьезной операции на голову. Сотрясение, которое я получила, отразилось не только на мне (мои чудесные локоны сбрили для проведения трепанации черепа), но и на Владе – с какого-то чуда он вдруг стал увлекаться эзотерической литературой, немного сместив акценты с техники на мистику. Я же абсолютно утратила способность к дежавю. Чем это объяснить – нет ни малейших догадок. Может быть, операция на мозг так повлияла, а, может, я и так видела достаточно, и большее мне было просто не нужно. Как бы то ни было, но в тот вечер, двадцать пятого октября девяносто восьмого года, около кофейни «Мадлен» действительно произошла авария. Не справившись с управлением, девятнадцатилетний студент музыкального училища врезался на мотоцикле в угол здания. Что удивительно, парня выкинуло на обочину, а мотоцикл протащило еще пару метров будто какой-то неведомой силой. Больше пострадавших в инциденте не было, у парнишки зажила сломанная рука, и он снова сел за отремонтированный мотоцикл. Памятуя поговорку «Все хорошо, что хорошо кончается», я даже рассказала Владу о своих дежавю, причем его реакция сильно меня удивила – он ничего не сказал, а только крепко обнял меня и серьезно произнес: «Никогда больше так не делай». Я так и не поняла, что он хотел этим сказать. Все, действительно, закончилось вроде бы хорошо.

Вот только почему у меня все чаще появляется ощущение, что я не живу своей собственной жизнью, а будто вижу ее со стороны? Откуда-то сверху?..

2007

Люсичка

Розовый или красный? Дилемма маячила перед глазами совершенно очаровательным гипюровым коктейльным ансамблем и мини-мини-платьицем, по-детски непосредственно открывавшим коленки. Но дело тут было даже не в определении подходящей цветовой гаммы, а в выборе между двух в корне несогласующихся начал – гламура и вамп. А коленки, надо признать, выглядели очень соблазнительно, и не подчеркнуть их было бы, по меньшей мере, неразумно. Разумеется, в иное время Эллочка выбрала бы розовую дизайнерскую тряпочку, еле прикрывавшую шов от аппендицита. Выражение про аппендицит было заимствованным, ибо про свою безупречную фигурку Эллочка так бы не сказала даже под страхом визита к стоматологу без общей анестезии. «Изобретение» принадлежало ее классной руководительнице, которая с неиссякаемым вдохновением обличала пороки подрастающего поколения, с энтузиазмом заменяя уроки литературы воспитательными беседами. Причем далеко не в гламурно-розовых оттенках, которые, как правило, преобладали в гардеробе от-кутюрной Элочки. Но школа отзвенела так давно, что даже вспоминать о ней было бы уже непростительным намеком на возраст «чуть за тридцать». Поэтому Эллочка с большим удовольствием выкинула ненужные теперь воспоминания и с восторгом предавалась самому популярному виду спорта с постепенно пустеющей кредитной карточкой. Впрочем, обвинять Эллочку в расточительстве не стал бы даже гоголевский Плюшкин, поскольку барышня отнюдь не относилась к разряду «кисейных», а являла собой образец ярчайшей эмансипированной мадемуазель конца двадцатого века. Проще говоря, Эллочка привыкла всего добиваться сама, и в свои тридцать с хвостиком была директором небольшой строительной компании, занимающейся промышленным дизайном. Попутно Эллочка получала уже третье высшее образование: на этот раз ей захотелось остренького, и в скором будущем она должна была стать счастливой обладательницей диплома по японоведению. Не сказать, что это сильно помогло бы ей в работе, но так уж была устроена Эллочка, что завещание дедушки Ленина она воспринимала буквально. Зато, фигурально

выражаясь, посеянные всходы взошли прямо-таки с рекордной быстротой: Эллочка из съемной переехала в собственную квартиру с видом на телевышку и по гостям разъезжала хоть и на подержанной, зато собственной Бентли. Что-то вроде исполнения «американской мечты», но с русскими поправками. Различия состояли в том, что, несмотря на кажущуюся благополучность, в эллочкиной жизни наблюдалась одна неприятная традиция – Новый год она всегда встречала одна. Как водится, уход старого года должен был ознаменовать собой также уход всего лишнего и в будущем неперспективного, поэтому очередной эллочкин ухажер отправлялся в небытие на пару с вышедшей из моды шляпкой или изношенными туфельками. Не сказать, чтобы у Элочки были завышенные критерии при отборе очередного кандидата на роль обладателя ее руки, сердца и прочих органов, а вот же – и красавица, и умница, разве что комсомольского значка не хватало, но – одна. В белых принцев Эллочка научилась не верить еще в школе, когда, по тогдашним меркам, самый симпатичный мальчик из ее класса устраивал ей вечерние серенады по телефону с сопливыми признаниями в вечной любви-дружбе. Правда, делалось это в неравнозначный обмен на лабораторные по физике, чего Эллочка долгое время никак не могла понять. Наконец, утренние зажимания ее дыхателя в школьной раздевалке с прыщавыми обладательницами прокуренных голосов и малолетками, по сути, более опытными в отношении полов, чем этот самый Виталик, сыграли самую неоднозначную роль в их разрыве. Поколение акселератов продолжало стремительно взрослеть, а Эллочка торжественно пообещала самой себе, что роль Виталькиной мышки она больше играть не будет, и в запальчивости поступила на инженера-строителя только для того, чтобы доказать бывшему ухажеру свою значимость и абсолютную независимость от него. Правда, еще в первый год учебы острые угла этого решения сгладились, Эллочка отправила гулять свою несостоявшуюся половинку далеко в интимном направлении, и вошла в состав студенческой рок-группы как многообещающая вокалистка. Перегорев к пению после записи первых двух сольных композиций, Эллочка, уже будучи на третьем курсе, поступила параллельно на переводчика-синхрониста. В то время как ее однокурсницы с огромными животами стояли на учете в местной поликлинике, Эллочка отправилась в

свою первую заграничную командировку, из которой привезла чудное оригами, шелковое японское кимоно и простенькое колечко с лунным камнем как залог будущего брачного союза с худеньким, но жутко смазливый япончиком. На поверку Тео оказался мелким подмосковным аферистом, поэтому по вполне понятной причине он отправился вслед за Виталиком. Больше серьезных романов у Элочки не было. Мама и бабушка сочувственно качали головами и жалели свое непутевое дите, но упрямая Элочка, по всей видимости, отнюдь не желала осчастливить их детским визгом в двухкомнатной хрущобе. И отправлялась на работу с сумочкой от Фенди в одной руке и с каской в другой. Потому как, по правилам техники безопасности, находиться на строительной площадке без соответствующих защитных средств чревато далеко не радужными последствиями. Причем не только сотрясением мозга, но и реальной возможностью встретиться с элочкиным дедушкой, недолго протянувшим после апоплексического удара, по странной случайности совпавшим с нашумевшим крушением пирамиды Мавроди.

Были, конечно, у Элочки мысли взять приемного ребенка. Но дело осложнялось тем, что одиноким мамам очень неохотно отдавали детей на воспитание, а при Элочкином образе жизни иметь ребенка было бы несколько проблематичным. В самом деле, не таскать же за собой розовые бантики по кабинетам блестящих масляными глазками самцов. Вполне хватало и нередких бессонных ночей, когда Элочка понимала, что «всунуть - вынуть» может иметь далеко не эротическую трактовку, и, с отвращением, но все же готовила конвертики с валютой. А потом привыкла и больше по этому поводу не заморачивалась.

Самой большой проблемой отныне оказался выбор подходящих нарядов для многочисленных пати, которые Элочке приходилось посещать и в бизнес-целях, и по настоятельным приглашениям так называемых друзей, появлявшихся и исчезающих с периодичностью трусиков «неделька». Выбор, конечно, был нелегким, но это, господа, не мужа выбирать, а гораздо сложнее. Вот Элочка и старалась. И все до тех пор, пока, наконец, она не научилась отмечать в планировщике те мероприятия, которые действительно стоили ее присутствия. А на них, как правило,

думать об образе не приходилось; все-таки дело есть дело, и тут уже ультра-авангардными шмотками не блеснешь. Хотя выпендриться очень хотелось.

Близился к закрытию очередной финансовый год. Эллочка с воодушевлением носилась по магазинам, в ужасающем количестве скупая сувенирчики для сотрудников и отмечая галочкой пункты в мамином списке «чего-же-я-хочу-на-Новый-год». Было дело, предлагала как-то Эллочка переехать маме с бабушкой к ней в квартиру или поменять их двушку на что-нибудь более удобное, но они со стариковской стойкостью ринулись грудью на амбразуру, и родную хрущобу не покинули. Ну, просто не привычно им было жить в доме со своим вахтером, рабочим лифтом и «Титаном», который исправно обеспечивал наличие горячей воды в любое время суток, а не работал, повинуюсь исключительно своему собственному хотению. Эллочка поугovarивала их с месяц-другой, потом сдалась и занялась личной жизнью. Как всегда, бросив очередного поклонника прямо перед рождественскими праздниками. И поэтому с особой тщательностью выбирала новогоднее платье: по гороскопу год полагалось встречать в красном, но розовый атлас был чудо как хорош, и отказаться от него было просто выше Эллочкиных сил. Она уже всерьез собралась повесить красный гипюр на пластмассовые плечики, как со спины ее окликнул неуверенный, но неуловимо знакомый голос. Эллочка повернулась. Персиковая куртка, буковые ботинки на платформе, невыразительный макияж. Перед ней стояла ее бывшая одноклассница. Люся.

Сколько Эллочка себя помнила, Люся никогда не была заводилой, инициативно предпочитая держаться в сторонке. Тень она и есть тень – раз прилипнув к «хозяину», она покорно копировала его движения, в общем-то, и не задумываясь, какую роль исполняет. Симбиоз, и не сказать, что выгодный. По крайней мере, лично для себя Люся ничего не выигрывала. Конечно, готовые домашние работы ей обламывались. Но обламывались они также и всем остальным, так что это особо не считается. И Люся в классе была лишь элементом фона. Исчезни она из массовки – этого бы сразу и не заметили. Потом, конечно, хватились бы, все же живой человек, одноклассница, как-никак. Индивидуальность. За всю свою школьную жизнь Люся привлекла внимание к себе всего два раза – когда принесла в школу крысу, которую кормила пловом из баночки, и тетрис, самую популярную

игрушку среди мальчишек ее возраста. И тут Люся минут на двадцать становилась объектом внимания, пожалуй, в какой-то степени даже приближаясь к Эллочке. Та же, пощекотав крысе белое пузо и даже не взглянув на тетрис (оставьте детям их игрушки!), больше не проявляла особенного интереса к Люсе. Хотя подружкой ее считала и даже помогала краситься на школьные дискотеки. После выпускного, как водится, все разлетелось в разные стороны, а Люся, провалив экзамен в театральный, скоропостижно выскочила замуж. Приоритеты поменялись, и Эллочка Люсю практически больше не видела – случайные встречи не в счет. Как бы заметил Евклид, теперь они находились в абсолютно разных плоскостях, и ни под каким условиям не пересекались. Ну, почти не пересекались.

Люся выглядела скорее обрадовано, чем удивленно. И радость ее вполне была похожа на искреннюю.

- Эллочка! Я тебя сразу и не узнала. Прекрасно выглядишь!

«Я всегда такая», - подумала Эллочка, а вслух произнесла:

- Спасибо, Люсь, я стараюсь. Как поживаешь?

Люся расцвела.

- Отлично. Сынок уже в шестой класс пошел. Вот хожу, подарки его девочке выбираю. Такая любовь-морковь у них... А кажется, вроде только вчера пошел. Дети растут быстро, не успеешь оглянуться, а уже вот на тебе – на папину бритву посматривает.

- А как муж? – спросила Эллочка, сдвигая «на потом» ее вопрос о собственных несуществующих чадах.

- Муж хорошо, повысили вот недавно. Собираемся от свекровки съезжать, квартиру присматриваем. Ты-то сама как?

- Все в порядке, - улыбнулась в ответ Эллочка. – Защищаюсь в следующем году. Японоведом буду.

- Надо же, - засмеялась Люся. – Ну, ты всегда у нас способная была. А работа как?

- Отлично. Правда, беготни много. Но без нее никак. Зато нескучно.

- Счастливая ты, Эл. А вот я не работаю. Дом, дети, муж – куда уж тут... Редко куда выбираюсь даже, - почему-то в этих словах сквозила плохо скрываемая люсиная гордость.

Эллочка вздохнула. Пару раз она видела ее мужа. С таким лично она не то что бы на край света не пошла, а даже за хлебом в соседнюю булочную. Но о вкусах, как говорится, не спорят.

- Ну, ничего, - успокаивающе произнесла Люся. – Ты не переживай. Молодая, красивая, здоровая – найдешь еще своего. Все еще впереди. Ладно, Эл, у меня дел еще по горло, я побегу. Ты звони, если что. Ну, и просто так. Сходим куда-нибудь... («Если муж отпустит», - злорадно подумала Эллочка), кофе попьем. А то приходи ко мне, я тебя с детками познакомлю, альбом покажу. Лады?

- Конечно... Люсичка. До встречи.

Персиковая куртка меркнула за витриной и свернула за угол. Ну и подумаешь, пожалала Эллочка розовыми плечами. Не больно-то и хотелось. Все ведь действительно еще впереди. В сорок жизнь только начинается. А до сорока еще жить да жить. Так что успеется по-любому.

На Новый год Эллочка купила оба платья.

2007

Несоединяемое не соединяется

Сетевая миниатюра

Пальчики вдрожь по клавиатуре. Белые буквы на черных кнопках - символично и как-то по-школьному. Не оттого ли каждый день учусь любить тебя заново?

Я - в удаленных.

Arrogante* (15:29:03 2/12/2007)

Знаешь, я прочитал все твои сообщения. Ты больше не пишешь в пустоту. Тебе ведь важно, чтобы тебя читали, верно?

Consuelo** (15:32:55 2/12/2007)

Мне важно выплеснуть наболевшее. Это как у матери - застоявшееся молоко начинает болеть в груди. Причем не просто сама грудь ноет, а именно молоко - его не пускают насыщать связанный генами и любовью, всеми человеческими и нечеловеческими инстинктами кусочек тебя, и ему больно - оно ненужно. Так и здесь - я разливаю свою эгоистично нерастраченную нежность по строгим линиям строк, потому что до тебя не достучаться. Я - в удаленных.

Arrogante (15:35:03 2/12/2007)

Иногда мне кажется, что ты меня ненавидишь. Я чувствую твою боль, душевную, множась, в каждой букве. Ты творческая натура, а творческие люди тонки, но я не такой, я не могу так.

Consuelo (15:47:55 2/12/2007)

На абсолютное авторство не претендую, но вот одна из выношенных мной идей: любовь может уживаться с любым чувством, в пересечении с самой собой изменяя и подгибая его под себя. Она даже может схлестнуться с ненавистью, но сосуществовать параллельно они не смогут, слишком сильны оба и претендуют на первенство. Это как в паре - всегда есть доминанта и ведомый, поскольку двух ведущих быть просто не может, и тут выбор - либо принимай, либо разрывай единство. В то же

время любовь не может существовать отдельно от ненависти, поскольку обостренному любовью организму свойственно бросаться в крайности, и ненависть (причем, порой не столько к объекту любви, сколько к ее субъекту) подпитывает чувство, не позволяя ему угаснуть. Но это и хорошо - именно неустойчивость и нетолстокожесть не дают удержаться на одном месте. И даже если придется падать, то падение будет не от грубого толчка в спину, а от полета, слишком зависившего планку высоты. Проще говоря: любовь стоит жертв. Ненависть - нет. Поэтому любить нужно даже несмотря на кратковременные вспышки гнева. Ибо ненависть - скоропалительна и изнуряюща, а любовь - целительна и вечна.

Это ответ на твой вопрос. В любви нет тавтологии, и я не боюсь повторов. И, если бы ты спросил меня, как именно я люблю тебя, я бы ответила: всегда.

Arrogante (16:01:03 2/12/2007)

Может быть, ты слышала такую поговорку, любовь как песок: сожмешь - просыплется сквозь пальцы, откроешь - улетит как голубь. Вот так и я стараюсь сбалансировать все в отношении тебя.

Consuelo (16:11:55 2/12/2007)

Что именно ты пытаешься сбалансировать?

Arrogante (16:11:03 2/12/2007)

Ответ на поверхности. Повторю твои же слова: не ищи глубокого смысла там, где его нет. Я не пишу между строк. Читай прямо.

Consuelo (16:25:55 2/12/2007)

Я устала... Даже без смайлов...

Arrogante(16:53:03 2/12/2007)

Ты здесь?

Arrogante (17:02:03 2/12/2007)

Тук-тук!

Arrogante (09:33:03 3/12/2007)

Отзовись. Пожалуйста...

Arrogante (11:17:03 3/12/2007)

... - ставится тогда, когда все сказано, и еще многое осталось впереди.

Consuelo (11:20:55 3/12/2007)

Да

Arrogante (11:29:03 3/12/2007)

Я все пытался тебе сказать. Ты не в удаленных.

Arrogante (15:37:03 3/12/2007)

Ты - в избранных.

Пальчики вдрожь по клавиатуре. Белые буквы на черных кнопках - символично, как инь и янь. Недостающие элементы одного целого, которое называется одним простым и таким безыскусственным словом - мы. Я не боюсь тавтологии, чтобы еще раз сказать тебе это. Я - тебя - люблю.

Навсегда.

2007

*Arrogante - гордый (исп.)

**Consuelo - утешение (исп.)

Солнце, море, облака!

Зима бесилась в окна лохматыми рафинадными хлопьями. Солнце где-то затаилось с самого утра, и в воздухе стоял неживой желтоватый свет. На календаре стереотипно чернело шестнадцатое февраля, и от этого было еще тоскливее. Одни праздники закончились, а до других было еще как до Китая... в общем, на раскорячках.

Танька Малеева методично тыкала в клавиатуру наманикюренными пальчиками. Стороннему наблюдателю показалось бы даже, что она и в самом деле работает. На деле же выходило совсем наоборот. Не писалось однозначно. С вдохновением был тяжелейший напряг. На аське-то это, конечно, не отражалось, но ее, аську, то есть, в статью никак не впихнешь. Покурить, что ли?

- Здорово, мать, в курилку пойдешь? – изящно кутаясь в гламурный розовый шарфик, пропела ответсекретарь Анечка, заглянув в полуоткрытый Танин кабинет.

- Давай, - лениво согласилась Танька. – Все равно обед скоро!

В курилке, небольшом закутке около лестницы, периодически собиралась вся редакция. Желтеющие фикусы источали приглушенный запах табака. Уборщица тетя Дуся жутко ругалась, но тайком покуривала сама, так что до главреда дело не доходило. Впрочем, Алена Витальевна обладала удивительно лояльным нравом, и на заходы подчиненных смотрела с улыбкой и через плечо. Лишь бы работали, а каким образом – их личное дело.

В курилке находился только Пал Саныч, неисправимый филателист и нумизмат. Он отвечал за спортивную колонку, и работал в газете уже лет сто, с самого ее основания. Но молоденькие корреспондентки все поголовно его очень уважали, и старались в его присутствии не выражаться. Статус все-таки есть статус.

- Что-то ты, Танюш, сегодня совсем слабо выглядишь, - покачал головой Пал Саныч. – Тебе бы отдохнуть надо, отпуск взять, в санаторий съездить.

«Еще бы «Беломор» достал и про мир, труд, май рассказывать начал!» - хихикнула в сторону Анечка, но вслух ничего не сказала.

- Не ездят сейчас в санатории, Пал Саныч, лучше по турпутевке куда-нибудь махнуть, - терпеливо объяснила Танька. – Так удобнее. И для тела, и для духа, так сказать.

- Да, времена меняются, - протянул Пал Саныч, выудил пепельницу, замаскированную в банку из-под корнишонов, из-за кадки с фикусами, аккуратно придавил бычок и пошел дописывать баскетбольный обзор.

- Бляха-муха, я от этого чела балдею просто! – воскликнула Анечка, раскуривая «Parliament». – Такой интересный экземплярчик!

- Ну тебя, Анька, ничего святого для тебя нет! – шутливо прикрикнула Таня, усаживаясь на подоконник.

Анечка засмеялась и дернула ее за рукав.

- Слезай отсюда, а то, блин, все придатки простудишь!

Танька покачала головой и неожиданно резко спрыгнула с подоконника. В кармане брюк-сигареток вибрировала тоненькая серебристая «Nokia».

Танька сделала круглые глаза.

- Он? – шепотом спросила Анечка.

- Аха, - так же шепотом ответила Танька, выплюнула сигарету и нажала на зеленый огонек.

- Привет, Танюх, как дела? – в один заход выпалил Олег. Анечка называла его Лосем. Олег – почти олень, а олень – это без пяти минут лось. Логично, правда? Тем более, что ник двестипроцентно соответствовал содержанию, по беспристрастному Анечкину мнению.

- Здравствуй, Олеш! – против воли улыбнулась Танька. – В общем и целом, норма... А как ты?

- Отлично. Слушай, вот что хотел тебе сказать, может, перенесем нашу встречу на, скажем, завтра? А то сегодня у меня никак не получается.

Обидно как! Всю неделю ждала, вбухала в новый комплект «La Perla» гонорар за последнюю статью, а он: «Перенесем!»

- Что-то произошло?

- Нет, попросили комп один настроить. Может затянется, а я бы не хотел отвлекаться...

- Это на меня ты не хотел отвлекаться? – против воли вырвалось у Таньки.

- Что ты! – моментально опроверг такие крамольные мысли Олег. – Просто хорошо бы вечер вместе провести, чтоб никто не мешал.

«Давно ты так говоришь, да вот только не делаешь», - грустно подумала Танька.

- А, может, съездим куда-нибудь? Так зима эта надоела... Представляешь, солнце, море, облака!

- Можно, - покладисто согласился Олег. – Обсудим потом. Чмок! И нажал на отбой.

Танька вздохнула.

Анечка брызнула в полуоткрытые губки освежитель дыхания.

- Бросала бы ты его. По-дружески тебе советую.

Вечер плавно перетекал в ночь под аккомпанимент «Богатые тоже плачут», крутившихся в двадцать девятый раз по какому-то из вторых каналов. Настроение было упадническое, идти куда не хотелось, мыть посуду тоже не было желания. Тоска, в общем, зеленая-зеленая.

Потом откуда-то взялся Мансур. Заявился в бордовом костюме и с такой же бордовой голландской розой за здоровенном стебле. Танька встретила его в заношенной футболке и с нечесанными кудрями.

- Мир дому твоему, Королева! – вежливо склонил голову и протянул цветок. Ни дурацких ленточек, ни мишуры, ни стекла. Танька это оценила. А поклон все же выглядел по-клоунски.

Она вздохнула и впустила его в квартиру.

- Опять не спится, Мансик! Проходи. Тапочки можешь не надевать.

Гостиная была отделана в зверином стиле. Выложенные бурым камнем под пещеру стены, ночник-лиана, черный эл-си-ди кинотеатр, узбекский ковер на полу и топчан с кучей цветных покрывал. Стульев в упор не было видно. Пришлось сесть на низенькую кривоватую табуретку. В диковатой Танькиной гостиной Мансур смотрелся как-то не в тему. Не соответствовал, как бы заметил Пал Саньч. Но противоположности притягиваются. Это ведь всем, кажется, известно?

Танька воткнула розу в длинную фаллическую вазу из прозрачного стекла. Великодушно предложила:

- Чай, кофе, травка?

Травка была для понтов, в отношении дунуть Танька вела исключительно здоровый образ жизни. А позлить Мансура хотелось.

- Нет, спасибо, - вежливо отозвался Мансур. Единственное, от чего бы он не отказался, была сама Танька, но такой радости ему не обламывалось. Как и положено настоящему мужчине, Мансур не сдавался и ходил за безбашенной Танькой уже года четыре. Познакомились они в институте, где Танька была стервозной «красной» дипломницей, а Мансур ее дипломным руководителем. После блестящей защиты проекта по дешифровке символической информации случилась совместная ночь, которая не давала покоя обоим, – Таньке было неловко, а Мансуру хотелось еще. Закончилось все тем, что злобная герла бросила учебу в аспирантуре и пошла работать в местную газету. Выходило неплохо, хотя Мансур все еще мечтал о возвращении блудной дочери в лоно родной кафедры. Танька же крепко держала оборону. Зачем работать за гроши в каком-то никому ненужном НИИ, когда можно безбедно прожить на гонорары. Ну и что с того, что статьи желтизной попахивали, главное, платили хорошо.

- Я скучал, Танечка, - тихо сказал Мансур и потянул Таньку к себе. Она вздохнула и закрыла глаза. Все-таки так классно не умел целоваться никто, даже Олег.

Поцелуи незаметно перетекли во взаимное раздевание. Дальше – больше. На топчане оказалось неудобно, Мансур сел на пол и посадил Таньку на колени. Через полчаса взаимных искр и звезд резко захотелось пить. У обоих пересохло во рту. Мансур принес газированную минералку с темной кухни, выпили по два стакана и упали в сон прямо на полу.

Наутро настроение уже не было таким поганым. Скорее, индифферентным. Анечка, от которой у Таньки не было секретов, поняла все без слов. Удовлетворенную женщину видно сразу.

- Олег? – удивленно спросила она.

- Нет. – задумчиво произнесла Танька, выцеживая пакетированный томатный сок из трубочки. И больше ничег не сказала.

А Анечка и не спрашивала. И так понятно было.

Олег не звонил. Не писал. В аське не появлялся. Танька безрезультатно прождала двое суток. Сочинила микроскопическую эсэмэску с подколом. Ответа не было. Тоска снова накатывала изумрудными волнами.

Зато Мансур развил бурную деятельность. Завалил Таньку виртуальными открытками на работе, цветами дома и нежными признаниями на мыло. Таньку это больше не бесило. Ей просто было смешно. Ну, кто воспринимает случайный секс так серьезно? Он бы еще замуж предложил! Ой, мама, держите меня!

Наконец, объявился Олег. Прости, котенок, что не звонил, работы много было и так далее. Танька даже не удивилась. Знаем такое! Можно не продолжать. Зато в знак примирения предложил ужин в ресторане «Сафо». Вообще-то, негласно ресторан считался лесбийским, но народ собирался самый разный – готовили очень вкусно, да и греческие танцы ставил неплохой хореограф. Приятно было посмотреть. Танька на радостях даже отпросилась с работы, чтобы вечером выглядеть тип-топ.

И тут произошел непредвиденный случай. Недалеко от магазина, где Танька выбирала себе шпильки к новому платью, проходил Олег. И, разумеется, не один. С полноватой блондинкой в безвкусных капрях и туфлях-лодочках. Танька сначала поразилась наряду крашеной, и только потом узнала Олега, с вдохновением лапавшего блондинку за филейную часть. Такого Танька никак не могла пропустить. Произошло все более чем банально. Охи, вздохи, сорри, это случайно, ах, ты, гад, случайно, значит, Танечка, ты для меня – все, не уходи, и тэ дэ и тэ пэ.

Танька залепила пощечину Олегу и развернулась куда глаза глядят. Точнее, домой. Рыдать в ванной и пытаться релаксировать от розового масла.

Мансур в это время выбирал самые роскошные цветы для любимой женщины. Кольцо с бриллиантом в несчетное число карат было уже куплено и лежало в бордовой коробочке во внутреннем кармане

пиджака. Ожидания были самые радужные. Мечты должны сбываться! – говорит Газпром.

Но, по всей видимости, звезды сошлись не в том доме и для Мансура. Когда после семиминутного трезвона в Танькину дверь она (Танька, то есть) вылезла посмотреть, кто это такой настойчивый (подсознание упорно пихало Олега), Мансур даже не смог зайти в Танькину квартиру. Раз взглянув на шикарный букет и кокетливую коробочку в самом его центре, она поняла все без лишних объяснений и разрыдалась еще сильнее.

Мансур ничего не понял.

- Оставьте меня в покое, все! – закричала Танька и захлопнула дверь. Мансур не осмелился позвонить еще раз. Он положил цветы возле двери, сунул коробочку обратно в карман и ушел надеяться дальше.

Вечером Танька вылезла из остывшей ванной, засунула увядающие цветы в вазу и, ненакрашенная, пошла к Пал Санычу. Он привел ее в газету и был чем-то вроде наставника, хоть и не популярное это слово.

Пал Саныч тоже не стал ни о чем спрашивать. Просто положил руки на невысохшую Танькину голову и ласково сказал:

- Тебе бы отдохнуть, Танечка! В санаторий съездить, развеяться...

- Да не в санаторий, деда, а по турпутевке! – смеясь сквозь плач поправила Танька.

- Ну, я так и говорю! – скоро спохватился Пал Саныч. – А знаешь? Никуда не ходи сегодня, я тебе на диване постелю, чай с крыжовником сделаю. Оставайся, а?

Этой ночью Танька спала, как звезда. Крепко и сладко. Выплаканные слезы больше не мучили.

Через два дня позвонил Олег.

- Малыш, ты успокоилась? Давай поговорим!

Танька помолчала.

- Слушай, Олежек, милый, - ласково произнесла она, - иди ты в жопу!

И нажала на отбой.

Дел еще по горло было. Дорожная сумка была наполовину не собрана, путевка до сих пор лежала в туристическом агентстве – доделывали страховку. Но это было неглавное.

Потому что главное – солнце, море, облака!

2008

Помидоры по Фрейду

Красный – воинственный цвет. Абсолютно не согласующийся со скучной бледностью февраля. Лужи, подтекающие крыши, грязные воробьи на замусоренных остановках и полное отсутствие искр. В такой прострации единственное выражение жизни – это поголовная зимняя спячка. У кого-то даже внесезонная. Общая картина намалевана унылой сепией, яркости в целом – ноль.

Поэтому Мила украшала жизнь собственными силами. Добавляла сочные мазки в одежду, маникюр и волосы. Выражала индивидуальность красными тонами. Кто-то там утверждал, что женщину в красном характеризует недостаток секса, для Милы этот цвет был самым естественным состоянием. И вообще, она занималась психоанализом по Фрейду и точно знала, что недостаток секса характерен именно для тех, кто слишком много об этом говорит. Даже исподволь. Теория бессознательного, что тут поделаешь. А подсознание гораздо опаснее сознания, ибо сознание предсказать можно, а неконтролируемое подсознание может выкинуть шулки, не прогнозируемые даже никакими психологами. Себя Мила чересчур продвинутой не считала, а окружающие думали о ней как о Заумной, экзотически вытщенной из другой реальности. Все не как у людей.

Мила никогда не отвечала на зов природы. То есть, с внешней точки зрения она была почти нормальной, а вот временные отличия посылала нафиг. Могла зимой нацепить шорты и лакированные сапоги чуть ли не до талии и в таком виде заявиться на работу. Пару раз ее видели в кружевах, содранных из картинки прямо восемнадцатого века – и это в будний день! Соседи не переставали удивляться безбашенной жиличке, а Мила носила разрезанные до колен джинсы и черный топ с надписью «Коси и забивай!» В этом, собственно и выразилось ее отношение к жизни. Завершала образ склонная к анорексии фигура, фатальная зависимость от хард-энд-хэви и полное отсутствие типа спутника жизни. Что отнюдь не

поднимало имидж Милы в глазах сердобольных до чужих жизней соседских бабулек.

Мир за окном был какой-то индифферентный для Милы. Ну, ровным счетом ничего интересного! Все одинакового конвейерного сэмпла. А что такое однотипность Мила знала отлично – она работала на стройке старшим прорабом, нивелиром и уровнем умела пользоваться не хуже претендующего на право первенства противоположного пола. Этим и вызывалось смешанное отношение к ней начальства и работяг. Тетка в каске и с болгаркой в руке – зрелище вообще не для слабонервных. А загнуть матом Мила могла многоэтажным, и этим относительно достигался компромисс между тургеневскими локонами, не мнущимися даже под каской, и жесткой хваткой ухоженных рук. В обычной жизни Мила матом не ругалась, другое дело - стройка! Вот это была другая, настоящая жизнь, настоящая динамика. Неожиданные архитектурные решения само собой лезли в голову. И завершённые проекты являли собой вырванную из сказки мечту. Как говорила Мила, из бетона – конфетку.

- Что-то ты, мать, припозднилась! – усмешливо заметил Вовка. Он рисовал какие-то загогулины в журнале ведения работ и грыз кончик карандаша. По должности Вовка был главным инженером, но на объекте появлялся лишь в избранных случаях или когда в конторе уж совсем нечего было делать. Как сейчас, например.

Мила повесила на крючок тонюсенький плащик и осталась в вызывающих кровавых колготках. Остальная одежда просто теряла свою значимость на фоне стройных прямых ног, запакованных минимум в семьдесят ден. Потом присела на табуретку, расшнуровала блестящие лакированные сапожки (нужно ли говорить, какого цвета?) и стала надевать рабочие ботинки со стальными наконечниками. Весили они немеряно, но зато отпадала необходимость ходить в тренажерный и качать ноги.

- Да я в стройкоме была, между прочим. По объемам отчитывалась.

- И что, по срокам укладываемся? – поинтересовался Вовка.

- Ты, блин, главный инженер! Сам не знаешь, да? – прикрикнула Мила. – Твоя, между прочим, обязанность!

- Да лан тебе, милая, я ж шутю. Шутю! Не понимаешь, что ли?

Милу такие приколы не вставляли. Она любила кратко и по делу.

- Слушай, Владимир Петрович... Шел бы ты... к себе! А я уж тут сама разберусь. Мне вон еще ригеля на мачту ставить надо. А ты тут со своими разговорами!

Вовка лениво потянулся и встал.

- Не понимаю я тебя, Милорада, - пожаловался он. - Женщина ты красивая, а ругаешься как сапожник. И нравится тебе тут работать? Шла бы в офис, чисто, уютно, кофе в автоматах, интернет, водитель...

- А мне тут нравится, Вовка. В грязи, в кирпичах, в растворе. Я нестандартная. Усек? И больше не задавай мне таких вопросов.

Мила взяла коробку со щупами и вышла из прорабской.

Наступал период отделочных работ. Это не нравилось Миле больше всего, потому что означало скорое завершение проекта. Но сейчас ситуация выходила немного иначе. Во-первых, была весна. То есть, объемы автоматически выросли. Во-вторых, тоже была весна. Гормоны играли совсем по-мартовски, хотелось любви, романтики, розовых тюльпанов и воздушных шаров, надутых гелием. Хотя какая, к черту, романтика... Концентрироваться приходилось на другом. Сублимация шла в одностороннем порядке, направленном сугубо на стройку. Бой-френда у Милы периодически не было, а фрилав она не признавала. Давно и сильно закрученные отношения с Андреем не брались в расчет. Они были какими-то магнетическими, причем полюса постоянно менялись, и никто, даже сам Фрейд, не смог бы предсказать, чем обернется следующий день. Но спаренные ионы не могли разорвать связи, и Мила замыкала кольцо на Андрее. Делал ли он то же самое, она не знала и не заморачивалась. Мужчин понять невозможно. Поэтому подсознательно Мила ждала, но вслух этого не показывала. Подсознательное должно быть скрытым.

- Привет, милая! – трубка превратилась в родной голос, а сердце ухнуло куда-то на двенадцатый этаж.

- Я подумал, у меня репетиция срывается, давай вечером в пиццерию закатимся. Ты как?

- Сто восемьдесят пять! Пипец!

- Что? – не понял Андрей.- Ты мне?

- А, нет, сорри. Я дверные проемы промеряю. Дверь привезли, стали садить, а она не идет. Меряю вот сейчас.

- Я не вовремя?

- Нет, что ты! Все, я вышла. Какой тут вид! Я почти на крыше. Красота, Эндрю, ты бы видел!

Андрей вздохнул.

- Как насчет вечера?

- Айн момент... Давай в восемь, я раньше не успеваю, мне считать надо. Заедешь за мной, да? Я около моста тебя подожду.

- Да! – повеселела трубка. – Буду ждать!

- Все, отбой по каземату, я не могу разговаривать. Чао, бамбино.

Мила развернулась, мельком глянула вниз и заорала:

- Мать вашу, где стропы? Где тэбэшник ходит? Бегом скорую!

На каждом большом квадрате было четырнадцать маленьких квадратиков. Мила от делать нечего считала керамическую плитку в больничном коридоре и цедила противный кофе в пластиковом стаканчике. Невеселое занятие – просиживать вечера в больнице, тем более, в травматологии, среди плача, криков и наглых родственников, без очереди старающихся пролезть на рентген. Но выбор был определен заранее – ездить в больницу с рухнувшим с пятого этажа стропальщиком Рамисом Мила считала своим прямым долгом. Почти плюсом было то, что сломанная рука Рамиса заживала темпами ударной социалистической стройки. Но Милу все равно трясло и колотило. В глазах еще стоял случай, когда из-за неправильного крепления кранового троса огромное железобетонное перекрытие рухнуло прямо на оператора машины. Инженеров КБ затаскали по разбирательствам. Потом-то причина, конечно, выяснилась, но жизнь человека не вернешь. А говорить о потрепанных нервах вообще моветон высшей степени.

- Ну, что я могу сказать, Милорада Владиславовна? Кости почти срослись, рука будет функционировать нормально. О возвращении к работе еще рано вести речь...

- Ну, что вы, Прохор Семенович! – перебила Мила пожилого травматолога. – Я так рада, что все обошлось! Больничный мы продлим ему, конечно. А вот вернется ли он еще на стройку – это вопрос.

- Да, моя хорошая, сделайте одолжение. А вот по работе... Парнишка и сам перепуган. Урок получил. Может, стоит простить?

Мила посмотрела на Рамиса. Он стоял у стенки и читал плакат про эпидемию птичьего гриппа. Как будто и не о нем вообще говорили!

- Нам еще очень повезло, Прохор Семенович, что он – незаконный иммигрант. Иначе – я не представляю, что было бы! Тут тихо-мирно все замяли. Мы пойдем, спасибо за все.

- Да, Милочка, хорошего вечера вам.

Ехали молча. Рамис вжался в черно-желтое сиденье и испуганно поглядывал на Милу раскосыми узбекскими глазами.

- Простите меня, Милорада Владиславовна...

Мила резко взглянула на него и выкрутила руль.

- Ты обо мне тогда думал? О матери своей вспомнил? Зачем без страховки лез? Жить надоело? Ребенок!

Рамис помолчал и тихо произнес:

- А я всегда думаю о вас.

И поцеловал ее руку.

Миле сразу же захотелось плакать.

- Приехали, вылезай. Завтра зайдешь ко мне на работу.

Дома было очень тихо. Окна, будто черные дыры, поглощали идущий с улицы свет, и не отражали флуоресцентных органзовых штор. Тоска стояла, как в морге. Хотя там Мила никогда не была, но почему-то именно так себе представляла одиночество. Есть много, а поговорить не с кем. Совсем как в реальной жизни.

Андрей ответил только после того, как раз пять сбросил вызов. Из трубки слышались дешевые завывания какой-то попсы и пьяный голос

Нурика, носившего ник Татарин исключительно из-за образа жизни, а не из-за национальности.

- Мила, ну я занят! – крикнул Андрей. – Не могу говорить сейчас! Я с друзьями!

- Андрей, ты мне нужен.

- Что? Громче говори, не слышу!

- Когда освободишься?

- Не знаю, где-то к часу. Я позвоню!

Андрей сбросил вызов и не перезванивал.

Мила прошла на кухню, заварила зеленый чай и села к окну.

Раскрыла незаконченный конспект из интернета по концепции мировых религий и стала читать, пока строчки не поплыли.

- Милка, спишь ты на ходу? Тебя к телефону уже полчаса ждут!

- Кто? – крикнула она. – Иду! Колонну пока утепляют!

Собеседником оказался, как ни странно, Андрей.

- Прости, не перезвонил, пришел поздно. Не хотел тебя тревожить.

«А так я не тревожилась!» - мрачно подумала Мила.

- А я и не спала. Готовилась к экзамену.

- Вот надо тебе это образование? Кому сейчас философия вообще нужна?

Мила прочертила ногтем линию на пыльном подоконнике.

- Мне нужна. Мне – интересно.

- Хорошо, - покладисто согласился Андрей. – Планы на вечер есть?

- Абсолютно нет.

- Тогда давай куда-нибудь сходим? В «Арго», к примеру?

- Ладно, - согласилась Мила. Все равно ничего путевого на вечер не предвиделось. А выйти типа в свет и отдохнуть от строительной пыли перспектива не то что бы зашибись просто, но и не так отстойно. Единственное, что придется терпеть каких-нибудь недоразвитых индивидов, но в цирке живем, и по цирковым законам играем.

В «Арго» Андрей появился пафосно с розой и покрытыми бесцветным лаком ногтями. «Еще чуть-чуть...», - подумала Мила и не успела

закончить мысль: к столику подседа одна из подружек Андрея, виолончелистка из местной филармонии, нестандартной ориентации блондинка с нарощенными волосами, ресницами и ногтями (это Миле было поровну) и татарка в девятом поколении (а вот это было уже фатально – татар Мила не переносила категорически). Опять же, по расхожему выражению, чуть ли не в каждом втором на постсоветской территории течет кровь воинственных монголо-татарских завоевателей, но это ничуть не оправдывало факт присутствия Алины.

Сидели, в общем-то, неплохо, и Мила даже начала уже подумывать о том, чтобы оставить Андрея у себя на ночь. Все же, весна, помидоры цветут и, ой, девки, любви-то как хочется! Дружно сошлись на жасминном зеленом чае. А когда все идет так идеально, необходимо, чтобы кто-нибудь обязательно все испортил.

Сия почетная обязанность была возложена на Татарина («Во, блин, атакуют!» - поморщилась Мила).

- А? Да! Сидим! С кем? – орал Андрей, непонятно, то ли он понтов, то ли и в самом деле хотел донести до сознания Нурика сколь-нибудь содержательную информацию. – Да! Я с коллегой и братом! Подгребай, жду!

Это уже обещало быть интересным. Конечно, неприятно резануло «с коллегой и братом», по Фрейду, так вообще это толколвалось как полный трендец – проявилось несознательное, а вот с ним уже не поспоришь. Додумать Миле не дал подоспевший Татарин. Потекла высокоинтеллектуальная беседа.

- Да вот я думаю, миллион заработаю, такая жесть начнется! – заплетающимся языком распинался Татарин. – А ты, Милка, чем занимаешься, замуж когда?

- А когда ты позовешь! – моментально отреагировал Андрей и засмеялся, донельзя восхищенный собственным чувством юмора.

- Видишь ли, Нурик, - вкрадчиво начала Мила, - у меня сейчас другие заботы. Думаю, куда бы свой миллион приспособить. А то деньги уже девать некуда. Хоть соли.

Пока офигевший Нурик переварил шокирующее заявление Милы, на поднялась, выбросила из кошелька несколько бумажек и демонстративно надела плащ. Самостоятельно.

- Сорри, меня ждут.

Андрей проявил инициативу.

- Ты куда?

- Туда... Чао, бамбино, не скучай!

И на звонки еще неделю не отвечала. Впрочем, сама тоже не звонила.

А на улице всю бесилась настоящая весна. Радостная, живая, жгучая. Рамис где-то откопал номер сотки Милы и закидывал ее любовными посланиями. Было смешно. Чем бы дети не тешились! Андрей тоже пытался что-то делать, как-то исправить ситуацию. Было забавно, хотя и надоедало. А потом он и вовсе заявился к Миле на работу, с ужасом созерцая огромный плакат на стене с советским рабочим, гласивший: «Хватит пылиться в офисе сраном, пойдем, накатим по 200 граммов!»

Мила даже не удивилась. Прочертила ногтем черту на подоконнике и сказала:

- Эндрю, вот сколько лет мы с тобой уже знакомы?

- Ну... лет пять, - потерялся Андрей.

- А ты до сих пор меня не изучил... Для особо одаренных популярно объясняю: по теории бессознательного оно всегда выпрыгивает в критический момент, выявляя природу сущего. Понял? Так что туси со своими кентами, а меня не напрягай.

- Мил, ты опять Фрейда начиталась? – догадался Андрей.

Мила задумчиво посмотрела на него.

- Я сейчас работаю над одной теорией. Не ново. Но очень применимо. Знаешь, в чужом огороде помидоры весь год красные. А в своем имеют неприятное свойство отцветать и желтеть. Неинтересно.

- Это ты к чему?

- К тому, Андрюш, что ты - ты свой огород. Извини, зацвел уже. Так что не парь мозги мне больше, ладно?

- И что ты предлагаешь? – жалобным голосом пожаловался Андрей.

- А ничего. Живи по сценарию советской эмблемы.

- Это как?

- А так. Коси и забивай!

Дома Мила устроила генеральную уборку, пугая припадком хозяйственной активности всех соседей и коммунального кота. Весна, все-таки, обновление! И невозделанных полей, выражаясь фигурально, осталось еще на много-много сезонов. А в лайф-джорнэл Мила поставила статус «Расцветают помидоры! Фрейд форева!»

2008

Шиза

Женьку Воскобойникову считали маргинальной личностью. Сама Женька считала себя личностью выдающейся и была помешана на комплексе собственной гениальности. Это, впрочем, совсем не мешало ей водиться со всяким отребьем, по выражению глубоко интеллектуальных и потому замороженных социальными предрассудками родителей. А Женьке, выражаясь шире, было глубоко до звезды, кто, что и с кем. Она исповедовала культуру Высокой Личности, красила губы в черный цвет, носила готическое распятие и была законченной вегетарианкой. Нездоровый суп-набор как бы получался. До кучи Женьке было где-то между двадцатью пятью – семью, то есть, она находилась как раз в том возрасте, когда благовоспитанные девочки обзаводятся ленивым и вечно недовольным мужем и парой сопливых отпрысков. На худой конец, хотя бы мужем и драндулетом советского производства, на котором можно регулярно трястись к осточертевшим до колик родственникам. У Женьки ничего такого не было и в помине. Она жила на съемной квартире, хозяйку которой не видел никто уже лет двести, и даже не помышляла о том, чтобы связать свою жизнь узами чего-то серьезного. Это не о муже, Боже упаси! А о твердом и устойчивом распорядке вещей. Для Женьки это было невозможно в принципе. Она циклилась на идеалистическом мироустройстве, однако, изучив теорию всех известных политических систем пришла к выводу, что все это – дримз, онли дримз. Далее следовало что-то наподобие чеховского «Припадка», когда Женька бросила работу в школе, пустилась в безбожные запои, просяживая не менее безбожные гонорары за литературные публикации, чуть было не переспала со страстно возжелавшим ее барменом (спасибо, бывший одноклассник помог вытащить звезданутую девушку на свежий воздух). Список «дизелей» тянул на несколько пергаментов. По вопиющей о подобных случаях статистике, Женька должна была перебеситься, но она, то есть, статистика, была писана не для таких герл, как Женька. Поэтому все так осталось на своих местах, лишь с некоторыми незначительными ухудшениями. Родители даже возили Женьку к психотерапевту, коллеге женькиной маман, но сеансы обернулись только головной болью для самого доктора (так как Женька открыто

издевалась над ним, стебаясь изо всех сил и умений), для горе-пациентки (утомительно, блин, общаться с бездарями!) и существенным оскудением семейного бюджета для родителей. Сошлись на том, что следует оставить Женьку в покое, мол, еще переберется, без черной овцы никуда, а надо еще думать о младшей Алене, которые готовили в звезды мировой фармацевтической химии. На том и порешили.

Поскольку школу Женька бросила, а общение со святым духом было полезно, но не питательно, приходилось время от времени работать, брать на дом фрилансерные халтурки или выезжать «на природу» устным переводчиком (пед.образование позволяло такое), и там эпатировать народ всей своей сущностью (такого пед.образование не позволяло, но Женьку ведь было хрен вразумишь!) Даже ее бойфренд Антон порой стеснялся пройти с ней по улице.

- Одеваешься, блин, как будто приключения на свое сладкое место ищешь!

Женька посылала его на фиг и думала, что свою драгоценную свободу она не отдаст даже человеку, от которого все в ее жизни освещалось не хуже, чем застойный переулок милицейскими мигалками. Такое вот было у нее поэтическое сравнение. А соседи думали, что бедным детям она подает дурной и очень заразительный пример и что пора ее лечить.

Денег не было уже неделю. Дорогие шмотки из бутиков валялись на ободранной, потому что незастеленной, софе, и стирать их было лень. Идти куда-то тоже было лень, поэтому Женька сидела в пижаме и с ноутбуком и печально сажала зрение. Она писала роман. В какой-то частичке души Женька уже знала, что это заранее обреченное действие, но не останавливалась. Должны ведь быть вещи и для души.

- Жень, мы сегодня жрать будем? – поинтересовался Антон, пытаясь взломать почтовый ящик по заказу одного не в меру ревнивого представителя отряда мужеподобных.

- Это все прозаично, Антонио... - патетически отозвалась Женька, накручивая кудряшку на палец.

- А вот я бы чего-нибудь почавкал, - не сдавался Антон. – Без обеда весь день хожу!

Женька иронически посмотрела на него и пошла на кухню готовить кофе.

- Лапоть-то свой залочь, балда! – крикнул вслед Антон.

- Смысл? Все равно взломаешь, если понадобится. Не парься, Антоша! Я ж тебе не изменяю.

Действительно, была у Антона дурацкая и раздражающая привычка лазить в чужих вещах. Это он называл контролем. А Женька нечистоплотностью. Любимым и любящим следует доверять. А то иначе зачем быть вместе?

- Жень, а тебе что насчет стажировки написали?

Женька проорала что-то из кухни.

- А? Не понял!

- А ты отстань от лаптя и помоги любимой лук порезать!

Антон поднялся, сладко потянувшись, и раскачивающейся походкой двинул на кухню.

- Так вот. Мне написали, что бюджетные курсы только для тех, у кого есть литературная вышка. А я же неуч... Безграмотная. Некуда мне рыпаться.

Женьку сдула челку и перекинула полотенце на другое плечо.

- А как же твой роман?

- Да никак. Сказали, пиши, потом дай почитать какому-нибудь критику. А зачем? У него нечитабельный формат. Несовременный. «Нет пророка...», - процитировала она.

- А давай мы тебя уьем, а? Понарошку, конечно! А потом ты воскреснешь. Гениев признают посмертно...

- Иди ты... Гений! – засмеялась Женька. – Все, вали отсюда, сейчас неинтересно будет. Жарка. Лучше антивирусную базу скачай мне. Фак знает, сколько не обновляла.

Антон послушно выполз из кухни, а Женька с головой залезла в холодильник в поисках томатной пасты.

На плите зашкворчало что-то. Женька сама по себе готовить не любила. Она любила выдумывать и изобретать, но Антон предпочитал

традиционную еду, а не кулинарное безобразие, от которого его потом рвало. Хотя и исключения тоже случались. Ну, нельзя же вешать на человека ярлык перманентности! А Женька не хотела соответствовать идеалам и стандартам, и это была самая ее отличительная черта. Однажды она завилась к Антону в юбочке из ста одноразовых полиэтиленовых пакетиков. Они топорщились, как балеринская пачка, и Антон потом долго ржал, таскал юбочку по всему дому и палисаднику и орал: «Пиляши, берошки, налетай-разбирай!»

- У меня приглашение в Центр, - задумчиво протянула Женька. – Какие-то продессеры приезжают, позвали переводить. И зэпэ неплохую обещают, триста баксов в день. Там на неделю, не больше. Шанс вообще неплохой, ты как думаешь?

- Езжай, малыш, - согласился Антон. – Не парься. Ты у меня лучше всех! – непонятно к чему сказал он, чмокнул в макушку и ушел. А Женька осталась одна и изо всех сил старалась не париться.

Назревала простуда.

И настроение портилось.

Женька вообще относилась к таким личностям, которые способны загрузиться из-за пустяка основательно и надолго.

В областном центре, куда Женьку отправили по работе, проходила конференция-семинар зарубежных и местных искусствоведов. Работали нехило и до обеда, а после у каждого было свое личное время, и народ развлекался как мог. Кормили до пуза, воздух дурил морской свежестью, выпивки продавалось немеряно, никто не контролировал и не ограничивал. Рай, даже не нужно было ехать на заграничные курорты. На третий день Женьке все наскучило, тем более что она не пила даже пива, и вечером она просто завалилась спать в номере. Разговаривать все равно не с кем было. Искусствовед из Женьки, по признанию самой Женьки, был как библиотекарь из чукчи, а на ее вопрос о том, насколько реалистична работа Фрейда о Давинчи, местный светила потерялся и стал бубнить что-то уж совсем невразумительное. Тогда Женька приняла мудрое решение – работа в рабочее время, а на отдыхе пошли все на фиг. Да и простуда долбала конкретно. Вдобавок ко всему всему добавилось странное желание чуть ли

не поминутно бегать в туалет, что мешало спать и очень мешало работать. И нервировало, конечно.

Антон звонил раз в день. Женька не звонила ни разу.

Антон писал по миллиону эсэмэсок в день. Женьке писать было в лом. По какой-то ее личной причине.

На нижнем этаже жил симпатичный армянин Артур, и на извращенца он совсем не смахивал. Это к тому, что Женькина маман почему-то всех армян считала поголовно извращенцами. Психотерапевт, может, поэтому?

- Погуляем вечером, Жень? – предложил Артур. На второй час знакомства с ним Женька заметила, что он никогда не говорит «может», облекая просьбы-приказы почти в осязаемую форму. А Антон не так, машинально заметила Женька.

- Ол райт.

Артур вообще зашибенно говорил на английском, непонятно, зачем ему требовался переводчик. Да он подкатывает! Так сказал бы Антон. Они долго гуляли, долго стояли под елками, потом пошли смотреть на туи и кедры, и Женька собирала шишки. А положить их было некуда, и Артур снял футболку.

По Женьке пробежала дрожь, и что-то потянуло вниз живота.

Он понял.

Бросил узел на землю.

Поцеловал.

Женька улетела.

Артур почувствовал. Он без слов повел ее в гостиницу.

А у двери Женька неожиданно засопротивлялась.

- Не могу, Артур. Не-мо-гу! Пойми. И... кофе поить тебя я не буду, - сразу предупредила Женька, как только он что-то попытался сказать.

- У тебя кто-то есть? – беззащитно спросил Артур.

- Да, - честно ответила Женька. И кто только за язык тянул?

- You rule your destiny, and nobody else*, - изрек Артур. И ушел, чмокнув Женьку в щечку. Нет, все-таки поцеловав, детерминировала она. В номере Женька реактивно бросилась в туалет.

Наутро продолжились молчаливые страстные взгляды.
А через два дня она разговаривала с Артуром о смысле жизни.

- Как ты думаешь, для чего мы вообще живем? К чему стремимся?
– спросила Женька Антона.

- Малыш, надо тебе это? Живи проще, не заморачивайся.

- А я поговорить об этом хочу!

- Давай, - сдался Антон. – Говори.

- Я думала, что живу для единственной цели быть счастливой. А теперь не знаю. Я не могу определиться, в чем счастье! Как его поймать, почувствовать, заслужить? Мне говорят: счастье – это когда больше ничего не хочется. Когда доволен настоящим моментом. А я не хочу быть удовлетворенной! Я хочу быть счастливой!

- А чего конкретно тебе не хватает? – начал заводиться Антон. – Денег, любви, друзей, развлечений?

Женька подумала.

- Внутреннего мира, наверное. Согласия с самой собой. Способности не идти на компромиссы с совестью.

- Жень, ты просто устала. Это возраст такой. Все проходит. Мир не изменишь.

- Я не хочу, чтоб проходило! Я хочу бороться!

- С кем бороться? Санча-Панча ты моя сумасшедшая! – ласково засмеялся Антон. – Ты просто соскучилась, правда?

- Да... наверное, - устала Женька. – Ты прости, что я грузю тебя такой хренью.

А вот Артур слушал ее внимательно. В полемику, правда, не пускался. Но и не отталкивал.

И, как ни странно, от этого еще больше хотелось к Антону.

Неуклонно истекала неделя. Все было то же самое, ни драйва, ни позитива, ни негатива, хотя бы ярко выраженного. Так, серенько. Разбавлял кашу лишь Артур. Он рассказывал о своей экспедиции в Куалу-Лумпур (врал, очевидно, или просто очень хорошо выдумывал) и о мечте пройти дорогой Сантьяго**. Женька читала Паоло Коэльо, и сразу зауважала Артура. Лично у

нее бы не хватило мужества (?), воли (?), возможностей (?) повторить подвиг Мага. А Антон считал, что господин писатель вообще великой дуристикой занимался. Женька к нему прислушивалась, но лишь по инерции. Выявилась удивительная закономерность – чем больше времени Женька проводила с Артуром, тем на более долгий срок исчезал Антон. Не звонил, не предупреждал, куда идет, и вел себя по-идиотски отрешенно.

- Ты почему такой индифферентный? – недоумевала Женька.

- Я же просил тебя не употреблять таких слов в моем присутствии! – огрызнулся он. – Мне что, теперь к юбке себя привязать, да? Не ходить ни к кому?

- Да ходи ты ради Бога! – беззвучно плакала Женька. – Только отвечай на мои вопросы, пожалуйста! Я же должна знать, что с тобой происходит!

Это несколько лет спустя Женька прочитала теорию жидкостей в организме, и поняла, что с Антоном у них были абсолютно разные типы. Но пока недопонимание вызывало лишь пустоту. Артур ее не заполнял, но и не добавлял до кучи.

«Эрзац***», - крутилось в голове у Женьки, и она сама не могла объяснить, по отношению к кому восходила эта ассоциация. Чувство неудовлетворенности держало за горло. Зачем жить? Зачем?

Позже Женька встретила Ее.

Есть такие люди, по которым и не скажешь, мужчина это или женщина. И не то что с первого взгляда, а и по прошествии длительного времени. У Женьки этого времени не было по объективным причинам командировки, поэтому с Ней ее свели оперативно и отвратительно случайно. На лавочке перед гостиницей. Она сидела в драном сатиновом платье, по-мужски расставив ноги и бесконечно курила какую-то трубочку. Где-то лет сорока на лицо. Внешний вид был долбанутым... или, как считала Женька, нестандартным. А в период наступления сезонных истерик ее тянуло на таких. Антон потом долго отпаивал Женьку какой-то химической гадостью, и псих прекращался.

Она не смотрела на Женьку. Просто молча курила, раскачиваясь, и пускала лиловатый дым. Кто-то должен был начать первым.

- Никогда не видела такого интересного оттенка, - заметила Женька, сминая дым в руке. – И запах... необычный.

Она посмотрела на Женьку и отвернулась.

- Нормальный оттенок. Как раз для такого времени суток. И настроения.

Две руки столкнулись в воздухе.

- Женька.

- Я.

Помолчали. Она продолжала курить свою магическую трубку.

- На семинар приехали?

- Да, я переводчик.

- Непохоже.

- Я знаю. Мне все так говорят. Я не вписываюсь в стандарты.

Она прищурилась и потянула в себя дым.

- Стандартов нет. Есть дурацкие установки, призванные упростить вещи и тем самым облегчить себе жизнь. На деле они только все усложняют. Кстати, меры тоже нет. Это к замечанию.

«На бомжа не похожа, - решила Женька. – Тогда кто?»

- Я тоже об этом задумываюсь. Наверное, примирение несочетающегося и есть счастье.

Она усмехнулась.

- Зажрались вы. О счастье думаете. А сунуть бы вас в чужую шкуру, да необязательно самую плохую, я бы посмотрела, как вы запели.

Женька участливо посмотрела на нее, даже не обидевшись.

- У вас что-то случилось?

Она засмеялась низким голосом и сплюнула.

- Случилось... Да жизнь все время случает с нами что-нибудь.

Порой неллицеприятное.

И это называют судьбой.

Она сжала белые руки с красными пятнами.

- Рак. Ты когда-нибудь видела онкологических больных?

Женька покачала головой.

- Вот и мои не видели. Это оказалось не так просто для них. Не только в финансовом плане. Скорее, они не были к этому готовы. А я разве

была? И в какой-то момент нужно было уйти. Знаешь, в каких случаях уходят кошки?

- Разве никто вас не искал?

- А разве так кому-то станет легче? Или ему будет приятно видеть меня такой?

А ты говоришь – счастье. Где оно?

Женька дрожала. Ее сильно знобило.

- И ничего нельзя сделать?

Ответ был моментальным.

- Зачем?

Внизу живота разорвалась боль. Женька даже заорать не смогла.

Молча хватала воздух сухими губами.

- Эй, как ты?

Кто-то переворачивал внутренности и скребся по венам. Чересчур ясное сознание отметило даже инстинктивное желание схватиться за висящую елочную ветку.

А потом на Женьку упал белый потолок.

- Это такое осложнение после цистита. Следите за ней, ей простужаться никак нельзя сейчас.

Антон стоял возле кровати спящей Женьки и вполголоса беседовал с доктором. А она не спала. Ей просто разговаривать не хотелось. Мысли все плавали и никак не могли собраться в четкую картину. Наверное, было что-то плохое, а думать об этом не хотелось.

Доктор ушел. Антон сел у кровати, взял женькину руку и уткнулся лбом в одеяло.

- Ты не переживай так за меня, Тош, - думала Женька. – Не стою я этого!

Через неделю Женьку выпустили. И она думала, что глупо заботиться и беспокоиться там о чужих, когда есть свои любимые. Но потом все вернулось обратно.

Они с Антоном сидели на кухне, а на плите жарилась картошка. У Женьки все еще болело от укулов, и она недовольно морщилась, когда Антон пытался пролезть ей под халат.

- Дурная я, Тош, - вздохнула она, помешивая в скоровородке. – Психованная. Никак не могу найти себя. Да и нужно ли все это? Намучаешься ты со мной.

- А я знаю, что делать, - твердо сказал Антон. – Мы поженимся, и все подобное уйдет из твоей очаровательной головки. Согласна?

Женька выключила глаз и заплакала.

- Тоша! Правда?

- Правда, малыш. А в чем еще истинное предназначение женщины? Заведем дитенка, гулять будем вместе, ты с работы меня будешь встречать, потом он в школу пойдет...

- Ну, ты размахнулся! – засмеялась Женька сквозь плач. – До этого еще так долго!

- Как сказать... Время идет быстро. Как раз и здоровье твое поправим, к родителям твоим съездим...

Женька застыла, а Антон все еще продолжал о чем-то говорить и мечтать. Она смотрела на стену, где клеенчатные подсолнухи покрывались капельками жира, летящими с плиты. И она подумала, что это будет на много-много лет. Это быт. И никуда от него не деться. И смысла жизни в нем тоже не найти.

Но что тогда остается?

Назавтра Женька сидела в метро, грызла арбузные корки и ждала Артура.

2008

* Лишь ты вершишь свою судьбу. (англ.)

** имеется ввиду книга П.Коэльо «Дневник мага», где автором описано прохождение пути Сантьяго

*** замена (нем.)

Содержание

Не отдают – не долюбив	3
Банановый рассвет. На смятые подушки	4
Виски – в лед. И кофе в постель	5
Desesperacion	6
Обухом – по голове.	7
А... можно прожить закатом?	8
Разговор	10
Двадцать вторая осень...	12
Исписана последняя тетрадь	13
Звезды с небес не падали	14
Не боюсь уходить. Просто... туфли лишь капельку жмут	16
Припадок	17
Ломаная	18
Al Final	19
До утра	20
Инерция	21
Рассветное	22
Эвкалиптовый привкус простуды на сжатых губах	23
Стон	24
Тебе легче вот так?	26
You are staying. Well... So what?	27
В дороге	28
Ты не сидел напротив	30
Дыши!	31
Кураре	33
Уровни доступа снижены, коды забыты	35
Случайность	36
Банально	37
Новые – Fata Mortale	40

Искренне – Ваша	41
Белое	42
Кратность	44
Кокетка	45
Их любовь, пожалуй, вечна	47
Кадры	48
Боженька, добрый, а где продается счастье?	49
Изморозь	50
Тихо!	51
Кокаиновая дорожка метро	53
Момент истины	55
Love – net	56
Детское	57
Космогоническое завещание	58
Стеклянная бабочка	60
На свидание	61
Мартовское настроение	63
Casual	64
Кукольные слезы	66
Птичий инстинкт	67
Скрижаль	68
Engels Tage	69
Семантика покорности	70
An Ancestral Saga	71
Тоника	72
Недосказанность	73
И голос творит чудеса	74
Узы	75
Нежность моя	76
Глаза в глаза отзывом	77

Турбулентность души	79
Вольно!	81
Цветение сакуры	83
Резюме	84
Осовремененная клинопись	85
Малиновые поцелуи	87
Несезонный март	88
Серные карты	89
Патетика	90
1001	93
Когда тебя рядом нет	94
Перекресток	95
Тысяча дней одиночества	96
Осенний марафон	101
Черная сказка	107
Моя любовь	108
Сердце Сахалина	109
Розовый май	110
Весеннее	111
Реакция любви	112
Двадцать первая правда	113
Ирреальное завтра	115
Смертные ангелы	116
Абсолютная любовь	117
Фатум	118
Там, где большая любовь	120
Спустя	122
Завтра	123
1956	125
Английская мостовая	126
Партитура	127

Сохо	128
Para Bellum	130
Квантро	132
Знак бесконечности	133
Манеж	135
Мортидо	136
Жара	137
Восприятие	138
Моменты -	139
Сюрреалистическое -	140
Цвет	141
Зеленый дом	142
Я буду любить тебя... Молча	143
Кома	144
Pret-A-Porter	145
Арлекинада	146
Вся моя любовь	147
Лиметто	148
Крестики-нолики	149
Клубничный чай -	150
Выстрел	151
Так, кажется, станет легче	152
Пока дышу	153
Не мои проблемы (айтишный креатив)	158
Мадлен	161
Люсичка	169
Несоединяемое не соединяется	175
Солнце, море, облака!	178
Помидоры по Фрейду	185
Шиза	194